

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Мотин А.С., Никольский Л.Б,
Пирова М.Р.

**Изменения городской инфраструктуры под влиянием миграции:
вызовы для культурной политики**

Препринт

Москва 2021

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Мотин А.С., Никольский Л.Б., Пирова М.Р. Изменения городской инфраструктуры под влиянием миграции: вызовы для культурной политики // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – М.: РАНХиГС, 2021.

В европейской социальной антропологии видное место занимают исследования, посвященные влиянию миграции на культурную инфраструктуру и институты культурного производства в крупных городах. Культурное пространство города предстает в качестве своего рода мультикультурной машинерии, работа которой обеспечивается целым рядом акторов от чиновников до «культурных брокеров». В российской научной литературе наблюдается определенная лакуна в изучении городских мультикультурных «машинерий». Существуют исследования досуговых практик и культурного потребления мигрантов, однако тема публичной репрезентации культурного многообразия, связанного с миграцией, остается малоизученной. Между тем, перед национальной политикой, во многом опирающейся на советское культурное наследие в организации межкультурного взаимодействия, встают новые вызовы, связанные со сменой поколений. В Россию приезжают учиться и работать молодые люди из Средней Азии, для которых советский культурный бэкграунд постепенно перестает быть самоочевидной «точкой отсчета». В этих условиях требуется ревизия сложившихся подходов к интеграции мигрантов в культурную сферу городов-реципиентов.

Ключевые слова: миграция, городское разнообразие, культурная инфраструктура, культурная политика, муниципальная политика, межкультурная коммуникация

Abstract: Research on the impact of migration on the urban cultural infrastructure plays an important role in the European social anthropology. The city cultural space appears as a kind of ‘multicultural machinery,’ whose operation is supported by multiple actors, from officials to ‘cultural brokers’. In the Russian scientific literature, there is a certain gap in the study of urban ‘multicultural machineries.’ Some studies of the migrants’ leisure practices and cultural consumption have been published, but the topic of public representation of cultural diversity associated with migration remains poorly researched. Meanwhile, the national policy, which is largely based on the Soviet cultural heritage in organizing intercultural interaction, faces new challenges associated with the generational change. Young people from Central Asia who come to Russia for study and work, do not consider Soviet cultural background as a self-evident point of reference anymore. In these conditions, a revision of the existing approaches to the integration of migrants into the cultural sphere of the host cities is required.

Keywords: migration, urban diversity, cultural infrastructure, cultural policy, municipal policy, intercultural communication

Исполнители:

Малахов В.С., доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru

Симон М.Е., кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: simon-me@ranepa.ru

Летняков Д.Э., кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: letnyakov-de@ranepa.ru

Мотин А.С., младший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, motin-as@ranepa.ru

Никольский Л.Б., магистрант факультета политических наук МВШСЭН, lev.nikolsky98@gmail.com

Пирова М.Р., магистрантка факультета политических наук МВШСЭН, mpirovva@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1 Рост культурного многообразия под воздействием миграции в оптике социальной теории	7
2 Формы организации доступа к городским культурным платформам для мигрантов: опыт стран Западной Европы	22
3. Культурные проекты с участием мигрантов: возможности государственно-частного партнерства	29
4 Присутствие мигрантов на культурных площадках в крупных российских городах	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	58

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в следующем.

В европейской социальной антропологии видное место занимают исследования, посвященные влиянию миграции на культурную инфраструктуру и институты культурного производства в крупных городах. В условиях транснационализма на смену оптике «доминирующей» (национальной или локальной) культурной традиции приходит оптика множественности культурных «наследий». Культурное пространство города в результате предстает в качестве своего рода мультикультурной машинерии, работа которой обеспечивается целым рядом акторов - от чиновников департаментов по культуре до «культурных брокеров». В российской научной литературе наблюдается определенная лакуна в изучении городских мультикультурных «машинерий». Существуют исследования досуговых практик и культурного потребления мигрантов, однако тема публичной репрезентации культурного многообразия, связанного с миграцией, остается малоизученной. Между тем, перед национальной политикой, во многом опирающейся на советское культурное наследие в организации межкультурного взаимодействия, встают новые вызовы, связанные со сменой поколений. В Россию приезжают учиться и работать молодые люди из Средней Азии, для которых советский культурный бэкграунд постепенно перестает быть самоочевидной «точкой отсчета». В этих условиях требуется ревизия сложившихся подходов к интеграции мигрантов в культурную сферу городов-реципиентов.

Основная цель исследования: проанализировать, какие меры национальной политики на муниципальном уровне будут адекватны новым интеграционным процессам, связанным с освоением мигрантами доступной им культурной инфраструктуры.

Основные фундаментальные и прикладные задачи, решаемые в рамках исследования:

В отличие от досуговых практик мигрантов, которые попадали в поле зрения российских ученых, процессы освоения мигрантами городской культурной инфраструктуры на сегодняшний день практически не изучались. Мы полагаем необходимым продемонстрировать отличия российской ситуации от западноевропейской. Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что если в странах Западной Европы мигранты зачастую вынуждены позиционировать свою культуру в качестве «маргинальной», то в России ничего похожего не происходит несмотря на то, что мигранты из Средней Азии в целом слабо представлены в культурном пространстве российских мегаполисов. Нежелание выходцев из Средней Азии позиционировать себя в качестве "культурных маргиналов" объясняется наличием (обще)советского наследия. Однако, даже учитывая благоприятную роль этого наследия для развития культурных инициатив с

участием мигрантов, предпринимаемых на муниципальном уровне усилий пока недостаточно. Творчески активные выходцы из Средней Азии испытывают существенный дефицит материальных ресурсов для участия в культурных проектах. При этом страны Западной Европы накопили определенный опыт дистрибуции такого рода ресурсов. Отсюда проистекают следующие задачи. Проследить, как формируется мигрантская инфраструктура в европейских мегаполисах и крупных российских городах: (а) как она локализуется в городском пространстве; (б) как происходит обмен материальными и символическими ресурсами в мигрантских сообществах; (в) как различные городские политические практики влияют на доступ мигрантов к социальной и культурной инфраструктуре. Продемонстрировать, в чем состоит специфика российского случая на европейском фоне. Проанализировать, как инерция советских социокультурных практик влияет на интеграцию мигрантов.

Объектом исследования являются управленческие усилия в рамках национальной и культурной политик, направленные на расширение представительства мигрантов на городских культурных площадках.

1 Рост культурного многообразия под воздействием миграции в оптике социальной теории

Национальные государства эпохи зрелого модерна отличались от своих исторических предшественников, среди прочего, тем, что были озабочены собственной культурной однородностью. Вплоть до середины XX века в Западной Европе считалось само собой разумеющимся, что государство может и должно гомогенизировать население, находящееся под его юрисдикцией. Все, кто не вписывался в поддерживаемый государством культурный образец, будь они местными жителями или мигрантами, подлежали ассимиляции. Но затем произошел дискурсивный сдвиг, в результате которого императив гомогенности был поставлен под сомнение. На смену ему пришли «уважение к различиям», «признание инаковости» и «право на идентичность». Новый дискурс, стремительно набиравший обороты с 1960-х, через два десятилетия едва ли не полностью поглотил публичное пространство либеральных демократий. Этот сдвиг стал предметом рефлексии в многочисленных академических исследованиях [1-5].

Почти четыре десятилетия казалось, что описанный дискурсивный слом окончателен и пересмотру не подлежит. И когда известный представитель академического сообщества назвал свою книгу «Мы все теперь – мультикультуралисты» [6], он полагал, что констатирует очевидный факт. Однако в начале нынешнего века в публичной риторике либеральных демократий вновь произошла перемена, если не сказать – разворот на 180 градусов. Официальные лица государств и лидеры общественного мнения открещиваются от мультикультурализма как от заразы и ностальгируют по временам, когда императив гомогенности никто не ставил под сомнение. Такой внимательный наблюдатель как Роджерс Брубейкер подметил данный тренд еще в 2001 г. – почти за десять до того, как это стало банальностью [7].

При внимательном рассмотрении публичных дискуссий, идущих в странах бывшего первого мира на протяжении последних двух десятилетий, обнаружится, что подобные генерализации страдают огрублением. Руководство крупных компаний подписывает различного рода хартии в поддержку разнообразия [8], высокие чиновники национального уровня и представители международной бюрократии присягают на верность идеалам «интеркультурализма», огромное множество гражданских организаций объявляют поддержку культурного разнообразия своей миссией, а в академическом пространстве набирает обороты индустрия изучения феномена «сверхдиверсификации», или «сверхразнообразия» (Superdiversity)¹.

---

¹ См.: [9] Количество работ на ту же тему, появившееся после этой публикации, практически необозримо.

Цель настоящего раздела – описать динамику публичного дискурса западных стран по поводу культурной гетерогенности, обусловленной миграциями. Для того, чтобы понять причины описанных выше сдвигов, необходимо обратиться к ключевым агентам социального и политического действия, стоящим за теми или иными дискурсивными конструктами.

От ассимиляционизма к плюрализму

Как получилось, что в известный момент императив национальной гомогенности дает сбой, и запускается процесс переобразования общества – представления о нем как о культурно разнообразном? На наш взгляд, и то и другое было обусловлено послевоенным недоверием к государству и к *государству как машине гомогенизации*, в частности. После Второй мировой войны (заметим, отделенной от Первой всего лишь двумя десятилетиями) многие европейцы начинают искать другие объекты идентификации, нежели государство. Послевоенное поколение, вступившее в активную жизнь в 1960-е, охвачено антимилитаристскими и антиэтатистскими идеями, патетическим выражением которых стала «молодежная революция», достигшая пика в мае 1968-го. Она, в свою очередь, дает толчок волне демократизации, в контексте которой культурные притязания прежде исключенных групп («меньшинств») не только не вызывают отторжения, а, напротив, встречают симпатию. Это касается как меньшинств исторических, так и тех, что формируются мигрантами и их потомками. Жерар Нуаризель, к примеру, отмечает, что во Франции в 1960-е годы широкая публика стала симпатизировать местным армянам, считая их жертвами ассимиляционной политики французского государства (тогда как прежде их как раз упрекали в нежелании ассимилироваться) [10]. На этом морально-психологическом фоне в левой части политико-идеологического спектра получают распространение идеи «третьемирства», согласно которым бывший «первый мир» сталкивается со справедливым реваншем со стороны «третьего мира» в виде иммиграции, а потому требовать от выходцев из колоний ассимиляции означает продолжать политику колониализма [11].

На этом же фоне возникает дискурс *мультикультурализма*, достигший пика на рубеже 1980-1990-х годов. Этот термин хочется взять в кавычки, поскольку само его употребление может увлечь нас в ловушку реификации. В ходе говорения о «мультикультурализме» последний превращается в некую сущность, с которой различные агенты социального действия сталкиваются как с данностью. На деле же имеет место непреднамеренное порождение дискурсивных конструктов, которые, при внешнем

сходстве, имеют различную семантику². Выражаясь проще, одно и то же слово имеет различные значения в зависимости от того, кто и в каких условиях его использует. Коротко коснемся условий, после чего перейдем к агентствам³.

В *Канаде* провозглашение официального политического курса на мультикультурализм (1971) было обусловлено проблемой квебекского сепаратизма. За этим последовала основательная институциональная перестройка: гарантии использования французского языка в публичной сфере (от системы образования до делопроизводства и судопроизводства), этнические квоты для франкофонов в органах власти провинциального и федерального уровня, франкоязычные теле- и радиоканалы и т.д. Вскоре часть мероприятий по поддержке мультикультурализма была распространена на потомков «коренных канадцев» (индейцев), а впоследствии и на другие национальные меньшинства. В *Австралии* курс государства на мультикультурализм (1973) был продиктован острой нехваткой рабочей силы из-за ограничений на неевропейскую миграцию. Стоит напомнить, что до 1966 г. эта страна проводила политику «белой Австралии», поощряя переезд на постоянное жительство только выходцев из Европы. В 1970-е были не просто сняты ограничения на миграцию из Азии – государство приступило к систематической работе по смягчению белого расизма и внедрению нового способа самопонимания общества. В числе мер мультикультурной политики было финансирование таких институтов, как переводческая помощь и услуги адвоката для новоприбывших из азиатских стран, радио- и телепрограммы на вьетнамском, китайском, малайском языках и т.п. Собственно, Канадой и Австралией (с Новой Зеландией) и исчерпывается список стран, в которых мультикультурализм существовал на уровне государственной политики. Даже в США, где соответствующая риторика в ту пору получила широкое распространение, инициатором соответствующих практик выступали либо структуры гражданского общества, либо власти отдельных штатов. Здесь вызовом, в ответ на который появился дискурс мультикультурализма, была инерция расовой сегрегации. Несмотря на то, что в середине 1960-х были отменены все законодательные акты, дискриминировавшие чернокожее население, потомки африканских рабов страдали от широкомасштабного социального исключения. Символической компенсацией этого исключения стала нашумевшая «политика утвердительного действия» – расового квотирования при поступлении в вузы и в кадровой политике в медиа, армии и полиции. Параллельно с мероприятиями «сверху» возник и низовой запрос на признание, манифестацией которого стала риторика “Black is

---

² Стивен Вертовек насчитал 8 (восемь) значений этого слова. См.: [12]

³ Мы заимствуем этот термин у Александра Кустарева. Русское слово «агентура», если отвлечься от коннотаций с разведкой, достаточно емко передает смысл английского понятия Agency.

beautiful” и “Black culture”. (Такой меседж явно носил компенсаторный характер: мы уязвлены с точки зрения пользования социальными лифтами, зато у нас есть отдельная культура, которой отныне можно гордиться). Другим проявлением американской версии «мультикультурализма» был пересмотр учебных программ в школах и университетах с целью учета этнического многообразия Америки – программ, очень разнящихся от штата к штату. Кроме того, в ряде штатов в 1980-1990-е получили развитие программы двуязычного образования (с использованием испанского языка)⁴. В *Западной Европе* появление риторики мультикультурализма (подчеркнем, что в большинстве случаев дело дальше риторики не шло), было связано с необходимостью социального включения населения мигрантского происхождения, осознанной управленческим классом к 1980-м годам (когда стало окончательно ясно, что значительная часть приезжих, считавшихся временными работками – «гастарбайтерами», де факто или де юре являются местными жителями). Было всего две страны, в которых за этой риторикой стояли меры административно-политического характера – Нидерланды и Швеция. Эти меры заключались в грантовой поддержке культурных инициатив мигрантских организаций, а также возможностей изучения детьми мигрантов языка родителей. Все остальные западноевропейские страны остались либо индифферентными к дискурсу мультикультурализма, либо от него дистанцировались [15-16]. (Оговорки требует случай Великобритании, на котором мы остановимся ниже).

За интересующей нас формой публичной риторики стояли следующие агенты социального и политического действия (далее – агентуры). Это Большой бизнес, Большая бюрократия, этнические организации и часть интеллектуального сообщества. Каждая из этих агентур вкладывала в термин «мультикультурализм» свои смыслы. Для хозяев крупных корпораций он означал диверсификацию рабочей силы за счет ее неограниченного притока из-за рубежа. Для истеблишмента – изменение этнического состава населения в результате массовой миграции с целью расселения. (Реакцией на эти изменения и стали точечные мероприятия в образовательной и информационной сфере, о которых мы упомянули.) Для высоко статусных интеллектуалов из числа университетских профессоров и тележурналистов «мультикультурализм» был синонимом приятного увеличения потребительских возможностей, связанных с национальной кухней и музыкой. Для лидеров этнических организаций – возможность законсервировать у членов «своей» группы культурные паттерны страны происхождения.

---

⁴ Именно на такого рода трансформации реагировали правоконсервативные американские интеллектуалы, бичевавшие соотечественников за порочное увлечение. См. [13-14]

В ряде стран – в частности, в Германии – симпатии к идеям мультикультурализма были в 1980-е годы довольно широко распространены в некоторых сегментах гражданского общества (левые активисты, работники благотворительных организаций, педагоги, церковные общины и т.д.)⁵. Они усматривали в мультикультуралистских идеях возможность *перевоображения нации*. (Для Германии со свойственным ее политической культуре этническим кодом национальной общности это было особенно актуально). Однако их увлечение идеями «мульти-культи» оказалось весьма кратковременным. Причины тому просматриваются в амбивалентности самого мультикультуралистского дискурса. В самом деле, в мультикультурализме имплицитно заложено представление об обществе не как совокупности граждан, а как совокупности этнических сообществ (каждое из которых по умолчанию обладает собственной культурой)⁶. Такой способ воображения нации явно не благоприятствует гражданской солидарности, провоцируя сегментирование общества по этническому признаку [20]. Члены этнических групп, образуемых мигрантами, предстают в результате как носители изначально predetermined «идентичности», в которую они завернуты, как в защитный кокон, так что лишить их этого кокона означает нанести им непоправимый моральный ущерб. И хотя такое прочтение «мультикультурализма» далеко не единственно возможное, у него много энергичных адептов – прежде всего, из числа лидеров этнических и религиозных организаций, называемых этнополитическими предпринимателями, или брокерами от культуры. Исследователи окрестили этот тип дискурса «мозаичным» (Шейла Бенхабиб) или «реакционно-фундаменталистским» (Ф.-О.Радтке) мультикультурализмом.

Впрочем, увлечение идеями мультикультурализма было обречено и по причинам структурного характера. Ведь с этими идеями связывали надежды на социальное включение мигрантского населения – и, соответственно, на смягчение механизмов социального исключения, которым это население подвержено в большей степени, чем местное. Однако этого не случилось – по причинам, на которых мы остановимся чуть ниже.

В начале 2000-х маятник общественного мнения качнулся в сторону «ассимиляционизма» [21]. Почему? Обычно на это вопрос отвечают, указывая на разочарование граждан и управленческого класса в политике мультикультурализма. Данное объяснение можно признать лишь с той оговоркой, что разочарование касалось не политики, а риторики – не системы административных мероприятий, а слов,

---

⁵ Такие известные немецкие «шестидесятники», герои «поколения 1968 года» как Даниель Кон-Бендит и Клаус Легтеви облекли свои мечтания на этот счет в монографии: [17-18]

⁶ С массивной критикой нормативных оснований данного дискурса выступил британский философ Брайан Бэрри в своей рецензии на книгу лорда Бикху Парекха «Переосмысляя мультикультурализм», а также на составленный под его руководством доклад «Будущее мультиэтнической Великобритании» (2000). См.: [19]

употребляемых чиновниками. В случае же, когда действия в русле отвечающей данной понятию публичной политики все же имели место, их достаточно быстро свернули (как в Нидерландах, где «Программа поддержки этнических меньшинств» просуществовала менее полутора десятилетий (с начала 1980-х по середину 1994-х) [22-23].

Другой ответ на поставленный вопрос заключается в отсылке к событиям 11 сентября 2001 г. и последующей серии терактов. Это объяснение верно в том смысле, что шок, вызванный всплеском исламистски мотивированных актов брутального насилия, повлек за собой подозрительное отношение к живущим на Западе мигрантам-мусульманам. Но объяснение это представляется недостаточным по двум причинам. Во-первых, антимиграционные настроения, охватившие в Европе и Америке широкие слои населения, адресованы не только выходцам из исламского культурного ареала. Во-вторых, правопопулистские идеологии, громко заявившие о себе в начале нынешнего столетия, ставят в центр политической повестки не только тему (раздражающих) мигрантов, но и тему (не менее раздражающих) меньшинств в составе местного населения. Это активисты феминизма, антирасизма и движения в защиту ЛГБТ, которые, выражаясь знакомым нам языком, «раскачивают лодку», ставя под сомнение «традиционные ценности».

На мой взгляд, решающее значение в развороте общественного унастроения в противоположную сторону имели обстоятельства следующего рода. В 1980-е годы происходит смена режима *правительности* (governmentality), а именно: вытеснение кейнсианской модели капитализма неолиберальной его моделью⁷. Утверждение этой модели совпало по времени с распространением риторики культурно плюралистического (мультикультурного) общества. А поскольку следствием нового режима стал резкий рост неравенства, неудивительно, что в глазах массы рядовых граждан дискурс защиты инаковости оказался прочно скрепленным с неолиберальной повесткой. Иными словами, в перспективе человека с улицы *проблематика (культурного) Различия оказалась прочно скрепленной с нечувствительностью правящих элит к проблематике (социального) Неравенства*.

Второе обстоятельство связано с первым. По мере утверждения неолиберализма в обществе начинает громче звучать голос «оскорбленного морального большинства» (термин Дэвида Харви). Он относится к фрустрированным группам населения – в количественном отношении совсем необязательно составляющим большинство, но ощущающим себя таковым – которые объясняют свою фрустрацию в нормативных

---

⁷ Несмотря на то, что такой перевод фукольдианского термина *gouvernementalité* не передает всех нюансов его содержания, он все же кажется предпочтительнее простой кальки («гouvernementальность»). См. [24]

терминах. Корень своих проблем они видят в разрушении старого доброго порядка вещей (семейные ценности, соседское доверие, сплоченность местных сообществ). Источник разрушения очевиден – это внешние мигранты, с одной стороны, и прямо или косвенно благоприятствующие миграции силы внутри общества, с другой (от коммунистов и анархистов до адептов феминизма и мультикультурализма).

Неолиберальный тип правительности, как и всякий иной, затрагивает и политико-экономический порядок, и порядок эпистемологический. Это не только определенная форма властных отношений в экономическом и политическом полях, но и определенная форма мышления лиц, принимающих решения; если угодно – форма символической власти, заключающаяся в возможности навязывать способ видения мира, определять, по слову Пьера Бурдьё, «стиль легитимной перцепции».

На уровне *политико-экономическом* неолиберальный порядок выражается в «дерегуляции» - уходе государства из экономики (отныне считающейся саморегулирующейся), а значит – в демонтаже институтов welfare state, созданных в течение «золотого тридцатилетия» после Второй мировой войны. На уровне *эпистемологическом* данный порядок проявляет себя в виде постулата об онтологическом приоритете индивида, согласно которому общество представляет собой не более чем множество конкурирующих между собой личностей. Они изначально «свободны», в том числе в том, что касается выбора идентичности. Последняя может конструироваться и переконструироваться в самых разных вариантах. В результате индивиды оказываются членами разных сообществ идентичности, которые они произвольно покидают – меняя стиль жизни, субкультуру, сексуальную ориентацию и даже половую принадлежность. Эта логика приглашает нас к глорификации Различия.

Культ различия вписан в культурную логику глобального капитализма. Перед нами своего рода парадокс. Капитализм как способ устройства общества по определению ведет к унификации и стандартизации. Это продемонстрировано еще классиками марксизма. И в то же время именно капитализм, в том виде, в каком мы его знаем, занят поощрением и поддержкой различий, а там, где их уже практически нет – фабрикацией таковых.

В самом деле, культурные различия, в прежние эпохи оказывавшие решающее воздействие на весь ход социальной коммуникации, с победой капиталистической формы общественных отношений превращаются в бесконечно исчезающую величину. «Товар не проверяет, где его потенциальный потребитель заканчивал школу ...», замечает Терри Иглтон. - Он внедряет самый удручающий вид однообразия...» [25:193] Ибо «стирать различия, рушить иерархии, смешивать воедино множество форм жизни заложено в самой природе капитализма» [25:192].

Но устранение различий чревато падением спроса, что для данной системы отношений неприемлемо. Поскольку производство должно постоянно расти, нужно постоянно подстегивать спрос. А для этого – производить различия. Гипертрофировать те культурные отличия между людьми, которые еще не стерты машиной консюмеристской культуры, и создавать новые. Это *отличия в идентичности*, которая, как предполагается, отражает уникальность каждой отдельной личности [26:239]. В позднем капитализме, в котором по определению нет места для «аутентичности», поддержанию мифологии аутентичности уделяется огромное внимание. Миф о потребителях как о неповторимых индивидуальностях, которые свободно творят самих себя, развивая свою самобытность (она же идентичность) распространяется тем настойчивее, чем меньше в реальности того, что способно хотя бы отдаленно этому представлению соответствовать. Рынок предлагает индивидам бесконечный набор образов, примеряя которые на себя, они могут вообразить себя уникальными существами. «Идентичности – это не дефицитный товар. Если на то пошло, их предложение скорее избыточно, поскольку сверхизобилие любого образа неизбежно снижает его ценность как символа индивидуальной уникальности. Однако девальвация образа никогда не становится катастрофой, поскольку за отброшенными образами всегда следуют новые, еще не слишком расхожие...», пишет Зигмунт Бауман [27:85]. И еще одно глубокое наблюдение британского социолога: «Чтобы использовать потребительскую свободу как главное средство социального контроля и интеграции, позднекапиталистическая система очевидно должна сопрягать свободу с ее антитезой, угнетением; не только бороться против неизбежных расходов символического соперничества между потребителями, но также, и в первую очередь – за символическую ценность различия». Здесь необходимо небольшое пояснение. З.Бауман утверждает, что сегодняшняя позднекапиталистическая форма социального контроля отличается от соответствующих форм раннего капитализма тем, что не нуждается в прямом надзоре как основном инструменте. Если тогда для отправления власти был нужен «паноптикон», то теперь те же функции выполняет рынок. Почти все («большинство») вовлечены в процесс потребления – не просто в качестве покупателей товаров и услуг, но прежде всего, в качестве заемщиков, получателей кредитов, плательщиков по ипотеке и т.д. Ну, а что касается не вовлеченных в потребительский круговорот отверженных (или «опасных классов»), их приходится контролировать архаичными методами надзора и наказания [27:93].

В русле этой логики рассуждал и Славой Жижек, когда заявил, что мультикультурализм есть не что иное как культурная логика мультинационального капитализма [28]. Для демонстрации этого тезиса Жижек, в свойственной ему манере,

придумал хлесткий термин – аутоколонизация. Речь идет о колонизации, агентом которой выступают не национальные государства, а транснациональные корпорации. Здесь больше нет метрополии как активного субъекта и колонии как пассивного объекта. (И в этом смысле глобальное капиталистическое общество колонизирует само себя). Для транснациональных корпораций население Франции и Америки ничем не отличается от населения «третьего мира». Все – потребители. «Мультикультурализм» в этих условиях – самая подходящая идеология. Глобальный капитал относится к колонизируемому им населению так же, как гордящийся своей цивилизованностью колонизатор смотрит на аборигенов: он внимательно их изучает и смотрит на них с «уважением». Если оставить в стороне спорную метафору, то нельзя не признать, что теоретический постулат неомарксизма о роли идеологии культурного различия в функционировании современных рыночных демократий не утратил объяснительного потенциала. Я имею в виду реинкарнации этой идеологии уже после того, как Большая бюрократия как будто похоронила мультикультурализм⁸.

О «смерти мультикультурализма» сегодня не слышал только ленивый. Об отказе от одноименной политики широкая публика узнала из уст лидеров трех ведущих европейских держав в конце 2010- начале 2011 годов⁹. Однако, как мы уже заметили, не совсем понятно, от чего, собственно, было решено отказаться. Во Франции мультикультуралистская риторика вообще отторгалась и чиновничьей средой, и гражданским обществом как несовместимая с идеалами республиканизма [29]. В Германии увлечение идеями «мультикультуры» было свойственно части интеллектуального сообщества, гражданских активистов и отдельных политиков, однако оно не конвертировалось в сколько-нибудь заметные изменения на институциональном уровне [30]. Что касается Великобритании, то заявление Дэвида Кэмерона о «государственном мультикультурализме» (state multiculturalism) в его стране отражают скорее его восприятие ситуации, чем осязаемые институциональные сдвиги. В самом деле, можно назвать лишь два изменения административно-политического характера, которые позволяют говорить о приверженности официальной Великобритании «мультикультурализму». Это учреждение Комиссии по расовому равенству (1976) и ужесточение антидискриминационного законодательства, в том числе возможного наказания за распространение в публичном пространстве «языка вражды» (2003). Понятно, что обе новации были осуществлены кабинетами лейбористов, к которым у тори накопился к моменту их возвращения на Даунинг стрит большой счет [31].

---

⁸ Такой реинкарнацией стала риторика «интеркультурализма», на которой мы коротко остановимся ниже.

⁹ В октябре 2010 г. с речью о «провале мультикультурализма» выступила канцлер Германии А.Меркель, а в начале 2011 г. к ней присоединились британский премьер Д.Кэмерон и французский президент Н.Саркози.

Словом, перед нами скорее смена риторики, чем смена политики. Не говоря уже о том, что поворот к «ассимиляционизму» в XXI столетии – опция нереализуемая. Слишком велики демографические и социокультурные трансформации, пережитые западными обществами под влиянием международных миграций. И этого не могут не понимать представители управленческого класса. Если угодно, сегодняшняя Западная Европа является гораздо более «мультикультурной», чем была в пору, когда соответствующая фразеология была в моде. Поэтому декларации, подобные памятным заявлениям европейских лидеров рубежа 2010 - 2011 годов, суть не более чем декларации. Они вызваны необходимостью адаптироваться к новым условиям. Это, с одной стороны, растущая культурная неоднородность обществ (особенно характерная для мегаполисов, в которых соотношение автохтонного населения и потомков мигрантов зачастую не в пользу первого). С другой стороны, это давление правого популизма, канализирующего недовольство населения в бунт против «продажных элит».

Выход из ситуации, который нашла Большая бюрократия – смена декораций. В новом политическом театре появились, наряду с «мускулистым либерализмом», такие герои как «интеркультурализм» [32-33] и «развитие разнообразия».

В странах либеральной демократии в наши дни, как и в прошлом, есть немало людей, которые хотели бы сохранения социального и политического порядка, гарантирующего белому христианскому населению господствующие позиции. Такой порядок есть, называя вещи своими именами, не что иное, как апартеид – будь он установлен на национальном или на глобальном уровне [34]. Разумеется, дело здесь идет об апартеиде респектабельном, «цивилизованном», брезгливо отвергающем нацизм, расизм и тому подобные человеконенавистнические идеологии и режимы.

Публичная артикуляция подобных взглядов сегодня затруднена – ведь мы живем в эпоху гегемонии дискурса прав человека. Данную гегемонию не совсем корректно называют «леволиберальной». Точнее было бы вести речь о *либерально-консервативном консенсусе*, при котором оппоненты либералов внутри политического мейнстрима разделяют базовые установки либерализма.¹⁰ Политическим коррелятом этой идеологической гегемонии было долговременное доминирование в Европе правительств, сформированных левоцентристскими партиями (социалистами во Франции, лейбористами в Великобритании, социал-демократами в Германии и Швеции и т.д.). Такое положение не могло не вызывать раздражения у носителей антилиберальных взглядов, как среди рядовых

---

¹⁰ Весьма симптоматично, что и Гельмут Коль с его борьбой против *Ausländerfeindlichkeit* (враждебности к иностранцам), и Ангела Меркель с ее отстаиванием *Willkommenskultur* (культуры гостеприимства) представляли консервативную ХДС.

граждан, так и в элитах [35]. В этом контексте уместно вспомнить о таких событиях как речь Эноха Пауэлла о «реках крови» 1968 г. (прозвучавшая в тот самый год, когда о курсе правительства на интегративное многообразие и толерантность возвестил тогдашний глава Home Office Рой Дженкинс); успехи некогда маргинального Жан-Мари Ле Пена, доставлявшие головную боль французскому истеблишменту, начиная со второй половины 1980-х; телеинтервью Маргарет Тэтчер 1978 года, в котором она заявила, что британские культурные ценности находятся под угрозой «заболачивания» культурно отличными от них мигрантами (might be rather swamped by people with a different culture)¹¹. И все же не будет преувеличением утверждать, что на протяжении всего этого периода – условно, с 1970-х до начала 2000-х годов – в западных странах сохранялась гегемония либерализма (и в грамшианском, и в валлерстайновском смысле слова). Специфика текущего момента – в *оспаривании* этой гегемонии. Не то чтобы дискурс прав человека был отброшен, и ему на смену пришел какой-то другой. Подобного, разумеется, не произошло. Но в стене либерально-консервативной политкорректности пробиты заметные бреши. Сделал это правый популизм, протагонисты которого в 2010-е годы добились впечатляющих успехов, от Скандинавии и Германии до США и Бразилии. Шведские демократы, Истинные финны, Альтернатива для Германии, Партия свободы в Нидерландах, Freiheitliche в Австрии (примеры можно множить) – их электоральные достижения привели к тому, что некогда *неприемлемое стало парламентским*. Риторические фигуры и аллюзии, которые еще в недавнем прошлом считались морально недопустимыми, превратились в рутину публичного говорения, а люди, к этим фигурам и аллюзиям прибегающие, сделались, как говорят немцы, salonfähig (вхожими в салон, рукопожатными).

Правый популизм крайне неудобен для истеблишмента, поскольку отбирает у партий политического мейнстрима голоса избирателей. Сила этого игрока в том, что он адресует к реальным коллизиям современных капиталистических обществ. И, прежде всего, к углублению пропасти между верхами и низами, управляющими элитами и управляемыми массами. Однако реальные коллизии правые популисты обсуждают в фантазматических терминах. В их словаре нет такого понятия как неравенство. (Это понятие и не может там появиться, ибо в конфликте труда и капитала они занимают сторону капитала). Водораздел, который они конструируют – это водораздел между перверсивными либеральными элитами (которые пекутся о правах беженцев и туалетах для трансгендеров), с одной стороны, и «народом», с другой. Последний не просто не впал в подобные перверсии, но хранит традиционную идентичность и стремится ее защитить от

---

¹¹ Обширный фрагмент этого интервью см.: [36:375]

деструктивных сил. Деструктивные же силы – это адепты феминизма, мультикультурализма и антирасизма, которых явно или не явно поддерживают либеральные элиты. (Симптоматично, что в числе теорий заговора, популярных среди американских «трампистов», есть теория о вашингтонских педофилах, окопавшихся чуть ли не в Капитолии.)

Актуальную ситуацию в публичном – и, что для нас особенно интересно, академическом – дискурсе, многие наблюдатели характеризуют как поворот к Разнообразию (*diversity turn*) [37]. Соответствующая лексика пришлась по вкусу и управленцам, и журналистам, и гражданским активистам, и интеллектуалам. То, что раньше описывалось в терминах мультикультурализма, теперь описывается в терминах разнообразия и сверхразнообразия. Здесь, однако, показана осторожность. *Во-первых*, потому, что за внешне сходным языком описания могут скрываться разные стратегии – в зависимости от того, какие агентства этот язык используют. Одно дело – Большая бюрократия (как и ее союзник в лице Большого бизнеса), другое дело – гражданский активизм. Для первых риторика разнообразия есть элемент стратегии коммодификации, тогда как для вторых – шанс пересмотра сложившихся отношений господства. Разнообразие для власть имущих – это бренд, позволяющий привлекать иностранный капитал [38], а также способ минимизации риска социального протеста за счет размывания возможностей формирования коллективной солидарности снизу. В этой связи симптоматичны формулировки, содержащиеся в Хартиях поддержки разнообразия, принимаемых корпорациями. В исторически первой такой хартии – французской – сказано, что подписанты обязуются «содействовать представлению разнообразия французского общества во всех его различиях и богатстве, культурном, этническом и социальном (курсив мой), в пределах рабочей силы и на всех уровнях ответственности». Надо ли говорить, что чем «разнообразнее» рабочая сила в этническом и культурном отношении (курды и турки, арабы и иудеи, практикующие мусульмане и атеисты и т.д.), тем меньше вероятность того, что они станут совместно бороться за свои права. Для гражданских активистов язык разнообразия – возможность продвижения в повестку дня тех вопросов, связанных с воспроизводством структур социального исключения, которые вытесняются из нее господствующим дискурсом [39]. Сара Ахмед связывает растущую популярность языка разнообразия среди гражданских активистов с «усталостью от языка равенства» (*equity fatigue*): активисты, видя, что категория равенства не воспринимается на уровне лиц, принимающих решения, делают ставку на то, что в рамках обсуждения темы «разнообразия» удастся адресоваться к теме неравенства. Вопрос о том, окажется ли такая тактика продуктивной, исследовательница оставляет открытым.

Во-вторых, если обратиться к категории Diversity как теоретической рамке, пришедшей на смену рамке мультикультурализма, нельзя не заметить подводных камней, с ней связанных.

Остановимся на каждом из этих моментов подробнее.

Стратегия бенефициаров существующего политико-экономического порядка заключается в валоризации категории Различие за счет девалоризации категории Равенство. Большая бюрократия и Большой бизнес активно включились в глорификацию Его величества различие по той причине, что тем самым обесценивается классовая оптика. Коль скоро категория социального класса вообще не всплывает в публичных дебатах, это позволяет вывести из повестки проблематику неравенства. Вместо социальных диспропорций, драматически нарастающих по мере экспансии неолиберализма [40], гражданам предлагают обсуждать конфликты по поводу культурных различий. Расизм, сексизм, гомофобия, мигрантофобия, историческая память – вот темы, определяющие повестку в информационном пространстве от Сан-Франциско до Берлина.

Как заметила Сара Ахмед, антирасизм и подобные ему благонамеренные гражданские начинания, строго говоря, вписываются в неолиберальные техники (у)правления. Тем самым язык критики рискует «сдаться на милость» той же технологии власти, которую он намерен критиковать [39:235]. Почему? Потому, что оптика антирасизма фокусирует внимание не на отношениях господства, порождающих расизм, а на отношениях между представителями «расовых групп». Равным образом радикальный феминизм с его войной против патриархата может привести к тому, что энергия женского протеста будет направлена не против конфигураций власти, от которых страдают все независимо от половой принадлежности, а против «мужчин».

Теперь второй момент – подводные камни «разнообразия» как аналитической рамки. О первом таком камне мы, по сути, уже сказали. Опасность здесь в том, что пользователи словаря Разнообразия могут впасть в глухоту к проблематике неравенства и слепоту к базовым структурам, это неравенство производящим. В известной книге Ричарда Флориды о креативном классе в современных городах отстаивается следующий тезис. Поскольку молодые креативные профессионалы в наши дни чаще всего являются выходцами из этнически смешанных районов, отсюда следует, что «разнообразие» продуктивно с точки зрения городского развития [41]. Автор лукавит, ибо оставляет за скобками то обстоятельство, что районы, из которых вышли эти молодые люди, будучи гетерогенными в этническом отношении, гомогенны в социально-статусном отношении. Попросту говоря, эти креативные профессионалы – дети из семей среднего класса; у их сверстников из

низших классов подобные социальные лифты отсутствуют, будь район их проживания этнически «разнообразным» или «однообразным».

Но это еще не все. Теоретическая рамка разнообразия приглашает исследователей к *индивидуализации* взгляда. Если рамка мультикультурализма была сомнительна в силу имплицитной эссенциализации этнических групп («группизма», критиковавшегося Брубейкером и его единомышленниками), то рамка *diversity* вызывает вопросы как раз по причине редукции социального взаимодействия к взаимодействию между индивидами. Для выгодоприобретателей неолиберального порядка такая оптика даже удобнее с точки зрения поддержания *status quo*. Коль скоро групп по умолчанию «не существует», не могут существовать и классы. Иными словами, проблематичность рамки разнообразия связана с тем, что исследователи, в ней работающие, отказываются от классовой оптики и тем самым – от анализа базовых властных структур, генерирующих социальное неравенство. Академическое сообщество включается в игру, предложенную властью имущими. В ходе этой игры политика как таковая замещается «политикой идентичности».

Однако не хотелось бы, чтобы выше сказанное было понято как призыв отбросить аналитическую рамку разнообразия за ненадобностью. Такой призыв, в самом деле, прочитывается у ряда авторов марксистской ориентации. Ниже будет высказано несколько критических замечаний на их счет.

Борис Кагарлицкий, критикуя «леволиберальных интеллектуалов», упрекает их в продуцировании идеологии «постмодернизма, феминизма и мультикультурализма», что приводит к «засорению политики культурными проблемами» [42]. Тем самым он предлагает весьма редуцированное понимание политики и политического. Политическое не сводится к классовому противостоянию в том виде, как оно описано в Коммунистическом манифесте. Хотя бы потому, что классовая борьба сегодня ведется, среди прочего, на символическом поле (в качестве борьбы за классификации, за монополию в навязывании легитимного видения мира). Кроме того, политика – это не только деятельность по поводу (захвата и удержания) государственной власти. Это деятельность по поводу выработки правил социального общежития. А значит – борьба против исключения. Политика – это, как говорил Жак Раньсер, борьба «за участие тех, кто лишен своей доли участия» [43]. Участия в совместном определении контуров будущего.

Элементом этой борьбы является гражданский активизм, нацеленный против встроженных в социальную фабрику процедур исключения. Такой активизм, несомненно, является политикой. Когда же его агентов упрекают в переключении общественного внимания с «действительных» проблем на «мнимые», нам дают понять, что это не политика.

Подобный подход, помимо его шаткости в теоретическом отношении, весьма уязвим и в нормативном отношении. Он, в частности, приглашает к иронично-скептическому отношению к инициативам типа #metoo или BLM. Серьезные вопросы, поднимаемые этими движениями, в результате выглядят как нечто надуманное, высосанное из пальца. И здесь оптика российского марксиста совпадает с оптикой российских охранителей. Вольно или невольно он оказывается союзником политических сил, отстаивающих авторитарный порядок во имя противодействия «либеральному террору» (он же – «террор политкорректности»), он же – «этический тоталитаризм» [44]).

2 Формы организации доступа к городским культурным платформам для мигрантов: опыт стран Западной Европы

Тема многообразия стала очень актуальной в последнее время, особенно в городах Европы и Америки, которые сталкиваются с увеличением числа мигрантов из стран развивающегося мира. Важно заметить, что разница между мультикультурализмом (политикой, которая активно велась в 90-е и 00-е годы) и многообразием, на которое направлена современная политика западных государств, очень значима. Дело в том, что многообразие – более широкий термин, чем мультикультурализм. Многообразие включает в себя не только расово-этнические различия, но также уделяет внимание многим другим – гендерным, сексуальным, физическим и так далее. Мультикультурализм, по своей сути, направлен только на небольшой слой общества и не способствует вовлечению остальных слоев в коммуникацию с небольшими этнокультурными группами. В то же время, многообразие, наоборот, затрагивает почти всех жителей европейских городов. Подрадается, что почти все люди хоть в чем-то отличаются от стандартного человека, следовательно, являются частью хотя бы какого-то меньшинства (minority). В итоге получается, что политика многообразия должна распространяться на каждого жителя.

По словам Марии Шиллер, при анализе политики государств в отношении многообразия, авторы всегда обращали внимание на два уровня. Первый из них – это государственный уровень, то есть самый высокий, на котором могут приниматься решения в стране. Второй уровень - межличностный. На этом уровне авторы, по всей видимости, уделяли внимание взаимоотношениям представителей большинства с различными меньшинствами и смотрели на то, как хорошо последние интегрированы с первыми [45].

Основная цель работы Шиллер является анализ политики многообразия на среднем уровне – муниципальном. Автор называет свою книгу «заполнением дыры» между существующими подходами к изучению проблем многообразия [45:8]. Мария Шиллер выдвигает гипотезу, что основное влияние на политические решения, принимаемые на муниципальном уровне, оказывает взаимодействие между организационными структурами и индивидуальными акторами [45:8-9]. Эти акторы должны формировать идеи, обсуждая актуальную повестку. Автор книги анализирует то, как специальные сотрудники по вопросам многообразия (diversity officers) консультируют различные департаменты местных органов власти. В начале своей работы Мария Шиллер приводит схему, из которой следует, что из взаимодействия пространства идей и пространства практики берется пространство политических решений [45:10].

Для подтверждения поставленной гипотезы автор проводит почти полугодовое полевое исследование. Мария Шиллер провела по несколько месяцев в трех европейских городах: Амстердаме, Антверпене и Лидсе. Она наблюдала за взаимодействием между отдельными людьми, формирующими идеи о том, как привлечь внимание людей к вопросам многообразия и проблемам меньшинств, и органами муниципальной власти. В итоге автор книги поучаствовала в некоторых важных проектах и описала разные политики (policies) управления многообразием, которые могут проводить органы власти на местном уровне.

В этом разделе, где мы реконструируем основные аргументы Марии Шиллер, мы остановимся на одной конкретной форме многообразия, о которой говорит автор, на мигрантских сообществах. Несмотря на то, что Шиллер рассматривает управление многообразием с самых разных точек зрения, все-таки, на наш взгляд, вопрос этнокультурного разнообразия остается самым важным для европейских городов при разговоре о различных формах многообразия.

Основная тема, которую мы рассмотрим в рамках этого раздела – это возможности муниципальных органов власти в управлении этнокультурным разнообразием. Один из ключевых вопросов для самой Марии Шиллер – вопрос о том, как различаются политики, относящиеся к многообразию от тех, которые относятся к мультикультурализму – устаревшему принципу, с точки зрения автора книги. Мы классифицируем основные политики управления многообразием и продемонстрируем возможности, которыми обладают муниципальные органы власти в этой сфере.

Для начала разберем два термина, которым автор уделяет очень большое внимание. Это термины «мультикультурализм» и «многообразие». Термин “мультикультурализм” появился в 60-е годы как реакция на развитие социальных движений. Суть мультикультурализма заключается в сохранении культурных различий внутри одной страны или одного города. Основным проявлением политики мультикультурализма было сознательное допущение некоторых элементов неевропейской культуры в семьях мигрантов [45:34-35].

В 2000-е годы мультикультурализм стал подвергаться критике со стороны членов прогрессивного сообщества (то есть не со стороны националистов, а со стороны коллег по левому движению). Основными аргументами против мультикультурализма стало вполне очевидное и предсказуемое нарушение прав человека в семьях мигрантов, на которое общество не обращало внимания, объясняя эти нарушения культурными различиями. В качестве самого простого примера можно привести нарушение прав женщин в традиционных семьях мигрантов [45:35-36].

Термин «многообразие» («diversity») произошел из теории позитивной дискриминации и появился в те же 60-е годы, что и мультикультурализм. Однако, политика многообразия стала широко применяться в Европе только в 2000-е годы. Многообразие решало главную проблему мультикультурализма, ведь с точки зрения многообразия женщины в семьях мигрантов одновременно и мигранты, и женщины и, следовательно, необходимо обращать внимание на них не только с точки зрения культурной, но и с точки зрения гендерной дискриминации. К тому же, так как многообразие применимо к гораздо большему числу людей, ведь оно затрагивает всевозможные меньшинства, а не только этнокультурные, оно находит больший отклик в обществе. Мария Шиллер считает, что многообразие пришло на смену мультикультурализму, и что оно лучше соотносится с современными реалиями [45:28-33].

Теперь перейдем к основной теме книги Шиллер – работе муниципальных органов по проведению политики многообразия. Переход от мультикультурализма к многообразию значительно изменил саму структуру и функции муниципальных органов. В книге автор приводит несколько подобных примеров.

Первый из них – это структурное изменение муниципалитетов. Многообразие, как уже было сказано выше, распространяется на большее количество людей, чем мультикультурализм, и следовательно, следует более индивидуально работать с людьми, не концентрируясь на отдельных группах. В случае с мультикультурализмом муниципальные органы концентрировались на мигрантах и работали только с ними, чем способствовали их отдалению от остального общества. В рамках политики многообразия нужен совершенно другой подход, потому что большая часть общества является представителем разного рода меньшинств. По этой причине департаменты мультикультурализма были реорганизованы в департаменты многообразия, которые не сфокусированы на одной из групп, а взаимодействуют сразу со всеми представителями меньшинств, а также с людьми, которые относятся сразу к нескольким меньшинствам (женщина-инвалид, мигрант-гей и так далее) [45:38-51].

Второй вопрос, который Шиллер разбирает в этой главе, в значительной степени связан с первым. Многообразие в отличие от мультикультурализма подразумевает, что культуры должны быть разнообразны. При мультикультурализме, по словам Шиллер, всегда есть доминирующая культура. Практическим следствием из этого автор считает изменение подхода муниципальных органов власти к работе со своими целевыми группами. Раньше чиновники были нацелены именно на работу с группами людей, сформированными по расовому, гендерному или по другому смыслу. Теперь же департаменты многообразия

обязаны работать более индивидуально, ведь почти каждый член общества является представителем одного или сразу нескольких меньшинств [45:51-61].

Третье изменение, о котором говорит Шиллер, более теоретическое. Она утверждает, что многообразие – новый шаг по сравнению с основной предыдущей целью левого движения – равенством. Автор книги даже считает, что популярность идеи многообразия связано с усталостью общества от борьбы за равенство, которая занимала умы левых на протяжении многих лет. Однако, проведя некоторое время среди чиновников, работающих в департаментах многообразия, Шиллер не подтвердила свою гипотезу. В основном все эти люди видят своей целью как раз борьбу за равенство через многообразие [45:61-71].

Итак, мы уделили внимание ключевому для Шиллер термину – многообразию. Изначально автор определяет его через противопоставление многообразия и мультикультурализма – устаревшего с её точки зрения термина, рассматривающего меньшинства исключительно через призму расово-культурных различий. Затем Шиллер переходит к изменениям, произошедшим в деятельности муниципальных чиновников вследствие этого перехода от мультикультурализма к многообразию. Этих изменений она насчитывает три: первое – структурное – изменение структуры департаментов, которые теперь не поделены по принципу «несколько чиновников отвечают за одну этнокультурную группу», а представляют собой единый коллектив, работающих с самыми разными членами общества. Второе изменение – культурное – заключается как раз в индивидуальном подходе чиновников к работе с людьми. На смену целевым группам приходят отдельные люди, которые и есть представители одного или сразу нескольких меньшинств. Третье изменение – теоретическое – заключается в том, что многообразие пришло на смену идее о равенстве в головах её сторонников, к которым относятся и члены департаментов мультикультурализма. Однако, как мы увидели в книге, эта гипотеза на практике не подтвердилась.

Несколько глав книги Марии Шиллер посвящены инициативам и возможностям местных органов власти в проведении политики многообразия. В этом разделе своей работы остановимся на двух темах, которые автор анализирует в своей книге. Первая тема – возможности местных органов власти в работе с меньшинствами в особенности в интеграции мигрантов. Тут надо оговориться, что речь будет идти про возможности местных органов власти в целом, то есть, вопрос можно сформулировать следующим образом – какие конкретные меры могут принимать власти на местном уровне для ускорения интеграции мигрантов? Второй вопрос, который хотелось бы затронуть в этой главе, будет посвящен уже не всем местным органам власти вместе и их инициативам, а

деятельности специальных департаментов многообразия в европейских городах. Тут надо будет обратить внимание на то, какими полномочиями и возможностями обладают эти департаменты, и насколько они могут влиять на политику местных органов власти.

Прежде чем начать отвечать на вопросы, сформулированные в предыдущем абзаце, необходимо обратить внимание на факторы, влияющие на политику местных органов власти в каждом конкретном городе. Как уже говорилось выше, Мария Шиллер проводит анализ на примере трех европейских городов, следовательно, эти факторы тоже будут напрямую связаны с тремя конкретными примерами.

Первым фактором, влияющим на политику муниципальных органов власти, автор называет отношения между городом и государственными органами власти. Например, Амстердам воспринимает себя независимым от политики национального уровня, а Лидс очень тесно с ней связан. В случае с Амстердамом город имеет возможность проводить независимую от нидерландского законодательства политику в вопросе интеграции мигрантов. Лидс же обязан следовать общебританской политике [45:113-116].

В качестве второго фактора Мария Шиллер выделяет местные, то есть городские, политические особенности. Под ними автор подразумевает регулярность/нерегулярность сменяемости власти внутри города, политическую направленность местных органов власти и так далее. Шиллер подробно описывает политическую обстановку в каждом из трех городов на протяжении нескольких десятилетий. Из её описаний можно обратить внимание на Антверпен, в котором левые силы настолько боялись успеха националистической партии, что департамент многообразия изменил вектор своей работы и стал заниматься борьбой с бедностью, тем самым привлекая низшие слои населения к голосованию за левых [45:118-119].

Третьим фактором, который влияет на политику муниципальных органов власти, автора называет обмен опытом между городами. В Европе существует несколько сетей, например Eurocities, созданных специально для выстраивания коммуникаций между городами. Среди трех городов, которые Шиллер анализирует, два – Лидс и Антверпен – не являются участниками Eurocities, а Амстердам состоит в организации. Автор книги считает, что Амстердам извлекает положительный опыт из коммуникации с другими городами и, следовательно, имеет больше возможностей для интеграции мигрантов [45:116-118].

Теперь перейдем к основным возможностям для работы с мигрантскими сообществами, которыми обладают муниципальные органы власти. В целом Мария Шиллер характеризует их под единым названием «диверсификация» - то есть создание этнического многообразия в разных сферах жизни города [45:88]

Первый и самый простой способ – это привлечение мигрантов и их потомков к работе в государственно-социальном секторе. Самым частым примером здесь может служить трудоустройство мигрантов во втором поколении на государственные работы в социальной сфере. Этот способ диверсификации является самым популярным, потому что для органов власти, занимающихся социальными вопросами, легче всего устроить мигрантов на работы в аналогичные структуры [45:88].

Второй вариант, который рассматривает Шиллер, кажется мне куда менее очевидным, чем первый. Он заключается в том, чтобы продвигать идеи многообразия в бизнес-структуры. Автор исходит из того, что сам по себе статус предприятия, поддерживающего и развивающего идеи многообразия, должен приносить компании выгоду. То есть борьба с дискриминацией в бизнес-структурах должна быть самоцелью ради увеличения прибыли. Этот аргумент не кажется нам очень убедительным, потому что в его основе лежит убеждение в том, что общество всегда априори будет поддерживать многообразие, а это утверждение, по меньшей мере спорное, а с моей точки зрения и вовсе довольно сомнительное [45:88-89].

Ну и наконец третий вариант, который предлагает Шиллер, заключается в том, что диверсификация – это способ создавать репрезентацию меньшинств в бюрократических органах. Главная идея состоит в том, что только диверсифицированные бюрократии могут по настоящему представлять диверсифицированную публику. То есть, чтобы лучше понимать нужды и требования населения, соответствующие органы власти должны отображать население по своему составу [45:89]. Эту идею, Шиллер берет из англоязычной литературы, посвященной диверсификации.

Таким образом, диверсификация с точки зрения работы с мигрантскими сообществами заключается в том, что местные органы власти могут способствовать инкорпорации мигрантов в разные городские структуры. Во-первых, в государственно-социальный сектор, во-вторых, в бизнес-структуры, и в-третьих, в разного рода бюрократические органы.

В этой части второго раздела работы мы перейдем от деятельности и возможностей муниципальных органов власти к деятельности непосредственно тех чиновников, которые отвечают за развитие многообразия. Мария Шиллер называет их *diversity officers* (государственные служащие, отвечающие за вопросы многообразия). Их деятельность можно условно разделить на две части – консультирование и проектная работа [45:189-194].

Главная цель консультаций, которые работники департаментов дают сотрудникам других департаментов муниципальных органов власти, заключается в том, чтобы другие департаменты учитывали необходимость работы с многообразием в своей работе. В своей

книге Мария Шиллер приводит множество конкретных примеров взаимодействий между этими двумя структурами, однако, все эти примеры очень конкретные и не образуют единой картины. На наш взгляд, имеет смысл упомянуть лишь факторы, которые оказывают влияние на это взаимодействие, то есть те факторы, от которых зависит успех чиновников, отвечающих за многообразие. Мария Шиллер выделяет три такие фактора: во-первых, положение каждого конкретного департамента во внутренней иерархии – если, условно, департамент строительства находится ниже департамента многообразия, то, очевидно, на него будет куда легче повлиять. Во-вторых, национальное законодательство, тут все достаточно просто, чем больше государство на национальном уровне нацелено на работу с многообразием, тем лучше эта работа будет проходить на всех остальных уровнях, в том числе и на муниципальном. И, наконец, в-третьих, личные отношения между чиновниками из департамента многообразия и из других департаментов [45:189-194].

Второй вид деятельности чиновников, ответственных за многообразие, - проведение разного рода проектных работ, в основном, для привлечения внимания к необходимости активнее участвовать в политике многообразия. Проекты и презентации могут проводиться в общественных организациях, культурных объектах, других муниципальных департаментах и так далее. Суть всех этих проектов – создать многообразие имидж неотъемлемой характеристики любого успешного города. Как правило, основными в подобных презентациях служат аргументы о том, что чем разнообразнее состав каждой конкретной организации, тем лучше она налаживает коммуникацию с многообразным обществом [45:195-198].

3. Культурные проекты с участием мигрантов: возможности государственно-частного партнерства

В настоящее время для городов с этническим и культурным разнообразием ключевой проблемой является достижение социальной и культурной интеграции мигрантов [46]. Далее будут описаны несколько способов культурного включения мигрантов. Одними из инструментов городской политики, направленных на инклюзию, являются фестивали. Академические исследования говорят о том, что фестивали способствуют равенству, культурному разнообразию, развитию гражданских норм и прав человека, тем самым они могут создавать новую норму [46]. Однако пока неясно, какие политические меры действительно могут поспособствовать достижению всех описанных ценностей.

В последнее время «фестивали постепенно превратились в доминирующие платформы для культурного производства, распространения и потребления» [146]. Так исторически сложилось, что фестивали были центром, где вспоминались, обновлялись и воспроизводились традиции и обычаи [46]. Фестивальная деятельность анализируется с нескольких ракурсов, среди них – анализ социальных сетей, теория стейкхолдеров, сеть инноваций [46]. Кроме того, решающую роль фестивали играют для воспроизведения культурной идентичности [46]. Особое внимание уделяется фестивалям, которые проводятся на открытом воздухе, потому что в этом случае фестиваль близок к празднику, на котором социальный обмен становится более выраженным, куда любой человек может прийти бесплатно [46]. Ключевое общественное благо, связанное с общественным пространством, заключается в том, что оно дает возможности «строить социальные связи и гражданские нормы, которые связывают слабо связанных незнакомцев» [46].

Следующий инструмент – области высокой культуры, а именно изобразительное искусство и театр. Этот инструмент будет рассмотрен далее на примере художников-мигрантов из Амстердама. В этом случае можно выделить несколько проблемных точек: как новые «культурные граждане» пытаются включиться в культурное сообщество, как это включение превратилось в политическую проблему, как закрытый характер западного мира искусства мешает культурной интеграции мигрантов [46]. Более того, будет рассмотрено, как государственная и муниципальная культурная политика оказывает влияние на арт-сцену города Амстердам. Одни исследователи говорили о том, что фестивали способны создавать чувство принадлежности, другие утверждали, что они помогают воспроизводить традиционную культуру, а третьи считали их важными для создания культурного разнообразия и, следовательно, для укрепления мультикультурных обществ [46:3].

Нидерланды

В последние годы голландская система движется в сторону более либеральной модели, в которой важным элементом является маркетизация искусства [47]. В 1956 г. был создан Совет по искусству – полунезависимый орган, который должен консультировать правительство по основным художественным вопросам, в 1966 – создана целая сеть групп по интересам, консультационных структур, посредников и второстепенных консультативных советов [47]. Все они были официально или неофициально вовлечены в реализацию культурной политики.

В 1970-х гг. главная цель культурной политики была обозначена термином “демократизация культуры” [47]. Культурные практики должны были охватывать аудиторию низшего социального класса. Во второй половине 1970-х гг. пришло понимание, что иммигранты находятся в Нидерландах, чтобы остаться [47]. Только в 1983 г. появился первый официальный документ правительства - «Политика в отношении меньшинств» [47]. В этом документе правительство Нидерландов планировало «интеграцию с сохранением собственной культурной самобытности» [47]. Поскольку правительство осознало, что мигранты не намерены уезжать из Нидерландов, оно разработало специальную культурную политику в отношении меньшинств. В основе этой политики лежало предположение, что укрепление собственной этнической идентичности мигрантов будет стимулировать эмансипацию и способствовать интеграции [47]. С этой точки зрения правительство поощряло этнические группы создавать свои собственные культурные и художественные центры. Как на национальном, так и на местном уровне была разработана специальная система субсидий для иностранных художников или «аллохтонных» художников, как их называли [47].

Начиная с 1990-х гг. политика в отношении меньшинств стала больше фокусироваться на участии в голландском обществе, а не на сохранении этнической идентичности [47]. Аналогичным образом культурная политика перешла от поддержки меньшинств в создании их собственных отдельных культурных контуров к поощрению участия иностранных художников в созданном культурном поле [47]. Дискурс культурной политики стал более сосредоточенным вокруг идеи богатства культурного разнообразия в самой культурной сфере, в результате центральная структура меньшинств была заменена структурой разнообразия, что ранее не было характерно для Нидерландов.

В 1999 г. Политический документ «Культура как противостояние», написанный государственным секретарем Риком ван дер Плоэгом, объявил о новом взгляде на культуру. Он считал, что нынешняя сфера культуры предлагает слишком мало возможностей для новых постановок, а созданные субсидируемые учреждения не в состоянии охватить более широкую аудиторию. Целью Ван дер Плоэга было расширение культурного разнообразия

как в художественной среде, так и среди зрителей. Культурное поле должно было предоставить пространство для других, пока еще неизвестных художественных произведений и охватить более широкую аудиторию, состоящую из более разнообразных слоев населения [47]. Для достижения этих целей ван дер Плогг выделил 10% всего государственного бюджета на культуру, а также заставил сами организации тратить не менее 3% своих субсидий на стимулирование разнообразия в том, что касается общественных аудиторий и программ [47].

Разнообразие оставалось приоритетом для преемницы ван дер Плогг Меди ван дер Лаан, хотя ее политика имела свои особенности. Ван дер Лаан хотела стимулировать и приглашать культурные учреждения к сотрудничеству, поэтому она делегировала значительную часть реализации политики фондам, полугосударственным органам, которые управляют краткосрочным финансированием. Им она предложила разработать свои собственные планы по разнообразию, адаптированные к конкретной области культуры, в которой они работают [47:1307]. Эта стратегия оказала деполаризирующее влияние на культурную сферу, но, с другой стороны, в обществе исчез интерес к разнообразию [47]. Эта тема почти исчезла из публичных дебатов. В середине своего срока ван дер Лаан объявила о ряде новых мер по поощрению разнообразия. Наиболее заметным из них стало создание института для содействия межкультурному обмену и диалогу в четырех крупных городах страны [47].

После убийства режиссера Тео ван Гога в 2004 г. политики все больше убеждались в том, что, помимо содействия межкультурному диалогу, необходимо реанимировать национальное сознание и идентичность [47]. В голландцах нужно было возродить чувство гордости своей историей и культурой. Одним из проектов, призванным вдохнуть новую жизнь в голландскую идентичность, стал новый Национальный исторический музей [47].

Лондон, Барселона, Дублин, Глазго и Гетеборг

В четырех из пяти городов муниципалитет разрабатывает всеобъемлющий план развития города, который теоретически обосновывает политическое мышление во всех областях, включая фестивали [46:7]. Лондоном управляет Администрация Большого Лондона во главе с мэром Лондона. Одной из ключевых обязанностей мэра является культура, и его стратегии и политика, поддерживаемые “Лондоном и Партнерами” (рекламное агентство мэра), оказывают сильное влияние на фестивальную деятельность в городе. В случае Лондона роль мэра дополняет работу 32 районов [46]. Эти районы, многие из которых имеют численность населения, сопоставимую с небольшими городами, регулируют и поддерживают мероприятия, проводимые в их собственных населенных

пунктах [46]. В других городах муниципалитет играет ключевую роль в регулировании сектора, предоставлении лицензий и заявок, выделении финансовых ресурсов и ресурсов в натуральной форме, разработке различных рекомендаций по передовой практике и организации самих фестивалей [46].

В то время как муниципальные органы власти и мэр в случае Лондона являются центральными игроками, все эти общественные заинтересованные стороны работают в сотрудничестве с различными заинтересованными сторонами, чтобы реализовать фестивали [46]. Когда город является столицей и / или когда рассматриваемое событие имеет национальное или международное значение, тогда многоуровневое управление очевидно, поскольку муниципалитет и мэр являются партнерами с другими государственными учреждениями для разработки и осуществления мероприятий [46]. Такие договоренности могут вызвать напряженность, поскольку городские и национальные приоритеты не всегда совпадают. В Гетеборге владельцы частной собственности определены как важные заинтересованные стороны в принятии стратегических решений о планировании мероприятий в городе [46]. Аналогичным образом в Барселоне нынешний муниципалитет создал Гражданскую платформу для привлечения граждан к участию в принятии муниципальных решений, в том числе в отношении решений о фестивалях [46].

Дальнейшая сложность возникает в форме партнерских отношений между государственным и частным секторами, и это становится наиболее очевидно, когда речь заходит о применении политики на практике, принятии мер и проведении фестивалей [46]. В Гетеборге механизмы сотрудничества между государственными и частными заинтересованными сторонами определили процесс возрождения города с 1980-х гг [46]. Организация по управлению назначениями (DMO) была создана в 1991 г., организация мероприятий GotEvent была основана в 1999 г [46]. Эти две муниципальные корпорации способствуют развитию Гетеборга как города событий и туристического направления. Механизмы сотрудничества были также внедрены в Глазго, где совет учредил организацию Glasgow Life, занимающуюся поддержкой фестивальной и событийной деятельности. Он определяет политический контекст, стратегии и большинство действий, связанных с культурой, спортом, фестивалями и событиями в городе [46]. Кроме того, в городе есть Совет по мероприятиям, которому поручено согласовывать фестивали и мероприятия с политическими приоритетами. Фестивали и мероприятия в городе также активно продвигаются городскими властями, в первую очередь ныне несуществующим DMO, Бюро конференций и маркетингом Глазго [46]. В обоих этих городах особенно очевидно сильное влияние отраслевых интересов, способствующих развитию туризма, позиционированию мест назначения и городскому развитию, тем не менее, во всех городах связи с органами по

туризму, агентствами экономического развития, общественными группами, культурными организациями и национальными органами являются прочными [46]. В Дублине есть твердое намерение развивать партнерские отношения для расширения участия в культурной жизни в будущем, в соответствии со стратегическим приоритетом Дублинской стратегии в области культуры и творчества (2018-2022) [46]. Характер вовлеченного государственно-частного партнерства может оказать очень сильное влияние на политику и практику. Например, когда ДМО в Глазго функционировал (до 2019), только тем мероприятиям, которые могли бы внести вклад в экономику посетителей, была предоставлена стратегическая поддержка и ресурсы в масштабах всего города [46]. Это имело негативные последствия для тех мероприятий, которые ставили во главу угла цели культурной интеграции и разнообразия [46].

Изобразительное искусство и театр в Амстердаме

Начиная с 1970-х гг. в Нидерланды стали местом массового потока мигрантов, в результате чего начал меняться демографический и этнокультурный состав населения страны [47]. Как следствие, голландское художественное поле столкнулось с художниками и аудиторией разного культурного происхождения, которые все так или иначе внесли и продолжают вносить свой вклад в местный культурный поток [47]. Как новые культурные граждане, эти художники начали предъявлять претензии на включение в голландское общество [47]. Если раньше государство считало, что мигранты намерены пробыть в Нидерландах временно, то во второй половине 1970-х гг. появилось понимание того, что иммигранты находятся в Нидерландах, чтобы остаться [47]. В 1960-е и 1970-е годы Нидерланды, и особенно город Амстердам, были известны во всем мире своим либеральным и свободным климатом [47]. В равной степени сцена изобразительного искусства характеризовалась открытостью и интернационализмом. Художники в те дни не чувствовали себя ограниченными по национальному или культурному признаку.

В ходе международных культурных взаимодействий в 1972 г. был основан амстердамский коллектив художников «In-Out Centre» колумбийским художником Мишелем Гарденом. Этот центр был местом встречи и рождения многих иностранных, а также многих голландских художников. В 1975 г. Улисс Кэррион открыл книжный магазин и художественный центр «Другие книги и так далее». В 1975 г. также был основан центр альтернативного искусства Де Аппель [47]. Де Аппель критиковал основные институты современного искусства за то, что они представляют уже канонизированные работы; новый центр должен был представить новые, экспериментальные и еще не доступные художественные продукты в области феминистского искусства и боди-арта/перформанса

[47]. С самого начала Де Аппель взаимодействовал с художниками из восточноевропейских стран, таких как Чехословакия и Польша. По словам искусствоведа Ваутера Веллинга, турецкие художники начали мигрировать в Нидерланды уже с 1950-х гг., искали возможность проявить свои художественные таланты в свободной и экспериментальной атмосфере. Миграция турецких художников усилилась в 1970-х годах [47]. Художественное образование в Турции считалось очень традиционным и не вдохновляющим – не хватало музеев, где студенты-искусствоведы могли бы увидеть оригинальные произведения искусства. По словам художника Нура Тарима, приехавшего в 1977 г., Амстердам был привлекательным из-за своей свободной и модной атмосферы [47]. Также ныне известный турецкий художник Исик Тузунер живет в Амстердаме с 1975 года. Обучаясь в Академии в Стамбуле, она продолжила свое образование в Амстердамской академии Ритвельда, куда позже вернулась уже в роли учителя.

В 1980-х годах политическая и культурная атмосфера изменилась. «Чужеродность» стала всепроникающим принципом разделения в социальном и культурном плане [47]. В области культуры на национальном и муниципальном уровнях была установлена отдельная система субсидий для иностранных художников [47]. Эта культурная политика невольно способствовала культурной сегрегации в области искусства [47]. В результате отсутствия строгих критериев в процедурах оценки все незападное искусство стало помечаться как дилетантское, следовательно, понятие «художественное качество» стало подвергаться сомнению [47]. Западные художники все чаще сталкивались с тем, что сама концепция функционировала как эффективный инструмент для закрытия западной модернистской художественной сцены [47]. По словам Себастьяна Лопеса, иностранным художникам не удалось заинтересовать художественные галереи и музеи, потому что их работы считались слишком своеобразными или «некачественными» [47].

В истории амстердамского искусства Тропенмузей (Этнографический музей Амстердама) сыграл новаторскую роль в противодействии безразличию к художникам незападного происхождения [47]. Музей регулярно организовывал выставки современного искусства, стимулирующие общественную дискуссию о культурном разнообразии [47]. В 1985 г. музей организовал встречу для представителей голландских музеев и культурных учреждений, чтобы заинтересовать и предоставить информацию о современном искусстве незападных стран и западных художников, живущих в Нидерландах [47]. Тем временем эти художники пытались создать для себя нишу в области искусства и сами курировали выставки. Они занимались созданием пространства для художников, не являющихся голландцами, в культурных центрах и создали группы художников-иностранцев. В водовороте этих общих усилий Фонд Gate был создан в 1988 г. Элсом ван дер Пласом. Этот

фонд, директором которого стал аргентинский художник Лопес, должен был обеспечить платформу для современных художников из Африки, Азии, Латинской Америки и Океании. Было организовано множество выставок и был создан информационный центр [47]. 18 лет спустя министр культуры Меди ван дер Лаан решил прекратить финансовую поддержку с 2006 года из-за отсутствия видения миссии института. Коллекцию произведений искусства Фонда Гейт, его архив и библиотеку передали в дар Музею ван Аббема в Эйндховене [47].

Важный перелом в послевоенной истории культурной глобализации произошел с парижской выставкой 1989 года «Волшебники земли», куратором которой был историк искусства Жан Юбер Мартин [47]. На выставке бок о бок были представлены незападное и западное искусство. Эта выставка ознаменовала прекращение гегемонии Запада. Также в 1989 г. тогдашний директор Муниципального музея современного искусства Амстердама (Het Stedelijk Museum), некогда одного из самых высоко оцененных музеев современного искусства в Нидерландах, сделал выставку UABC, посвященную латиноамериканским художникам из Уругвая, Аргентины, Бразилии и Чили [47]. В 1991 г. «Новые голландские» художники стали объектом выставки Het Klimaat, организованной Культурным советом Южной Голландии. «Манифестация» состояла из 30 выставок, которые были разбросаны по разным городам и содержали работы более 70 иностранных художников, проживающих в Нидерландах. Некоторые из этих выставок прошли в Амстердаме [47]. В 1993 г. в Амстердамском муниципальном музее современного искусства была организована выставка Het Zuiderkruis, посвященная современному искусству Южной Африки. В 1997 г. тогдашний директор Фукс представил выставку «Искусство Суринама», впервые организованную в Суринаме в 1995 г. по случаю двадцатой годовщины его независимости [47].

Как бы ни было трудно оценить влияние этих выставок на разных уровнях, можно сказать одно: они вызвали международные дебаты, которые поставили под сомнение европоцентричный взгляд на современное искусство.

Театр в Амстердаме

В конце 1970-х гг. был создан STIPT – фонд для межкультурных театральных проектов – его открытие ознаменовало начало процесса профессионального прорыва для не западных театральных деятелей [47].

Отто Ромайн, программист театра Soeterijn (связанного с музеем Тропен), вместе с Рабочей группой по миграционным искусствам (Werkgroep Kunstuitingen Migranten) сыграл ключевую роль в создании этого межкультурного проекта [47] Ромайн пригласил

выдающегося афроамериканского художника Руфуса Коллинза, первоначально работавшего в легендарном нью-йоркском Живом театре, для обучения молодых театральных деятелей [47]. После того, как ему запретили въезд в Америку, потому что Живой театр считался слишком радикальным, Коллинз отправился в Лондон, где присоединился к движению «Черный театр» [47]. В Амстердаме он стал руководителем так называемого «театра меньшинств». Помимо Коллинза, который активно сотрудничал с суринамским режиссером Хенком Тжоном, турецкий актер Васиф Онгорен и его жена Мерал Тайгун были приглашены в Нидерланды тогдашним координатором программ Амстердамской театральной школы. Четыре художественных лидера – Коллинз, Тдзон, Онгорен и Тайгун начали театральные занятия для обучения молодежи [47]. Эта стратегия оказалась чрезвычайно плодотворной, поскольку многие молодые люди, обученные ими, стали успешными художниками или режиссерами в театральном искусстве.

Сотрудничество Коллинза с Хенком Тжоном привело к созданию в 1986 г. театральной группы De Nieuw Amsterdam (DNA) – в то время одной из самых первых мультикультурных компаний, в которой были актеры разных культурных традиций [47]. С 1988 года театральная труппа получила национальную четырехлетнюю субсидию. Первая пьеса, поставленная DNA в качестве финансируемой и признанной профессиональной театральной труппы, была представлена в городском театре Амстердама (Stadsschouwburg). Это было знаменательным событием в истории голландского театра. Это событие стало возможным не только благодаря активности Хенка Тжона и Руфуса Коллинза, но и благодаря политике тогдашнего директора Кокса Хаббема, который был убежден, что Амстердамский муниципальный театр должен обслуживать всех зрителей, а не только элитарную буржуазную театральную публику [47]. DNA превратилась в одну из самых успешных межкультурных театральных трупп, получившую финансовую поддержку в рамках национальной и муниципальной культурной политики [47].

По стопам Руфуса Коллинза в Амстердаме были основаны другие театральные труппы и постановочные дома. Когда Коллинз умер в 1996 г., он оставил театральную сцену Амстердама со значительным наследием: «Новые голландские» актеры осознали свое положение на театральной сцене Амстердама, он представил смешанные актерские составы на сцене и способствовал использованию текстов, музыки и танцев из различных культурных традиций [47]. Он также столкнулся с политикой исключения и провел кампанию за то, чтобы советы по искусству и комитеты по субсидиям были представлены профессионалами из разных культурных традиций [47]. В ноябре 2006 года, в ознаменование десятой годовщины его смерти, большое внимание в средствах массовой информации было уделено наследию Руфуса Коллинза. Он был посмертно канонизирован

как первопроходец, который поместил «черный театр» на карту Нидерландов [47]. В то время как Руфус Коллинз в основном вдохновлял театральных деятелей, писателей, актеров и актрис суринамского происхождения, Васиф Онгорен и Мерал Тайгун стали главными фигурами турецкой и марокканской общин [47]. Васиф Онгорен умер слишком рано, хотя его влияние не следует недооценивать, поскольку некоторые из его учеников стали успешными режиссерами в области амстердамского театра.

Еще одним крупным игроком в создании более «цветной» театральной сцены в Амстердаме в начале 1980-х гг. был Космический театр (Cosmic) [47]. Cosmic – это первый межкультурный продюсерский дом, он был основан двумя молодыми антильскими художниками в 1983 г. Cosmic предложил платформу для театральных деятелей, ищущих новые театральные языки, которые могли бы выразить межкультурный опыт людей в современном обществе. Взаимообмен между различными культурами – это основные характеристики продуктов, поддерживаемых Cosmic [47]. В течение 20 лет Cosmic превратился в один из самых популярных межкультурных производственных домов города. Помимо своей производственной функции, Cosmic также был одним из наиболее важных участников в дебатах о культурном разнообразии [47].

Фестивали как средство достижения культурной инклюзии (на примере Лондона, Барселоны, Дублина, Глазго и Гетеборга)

Рассмотрим исследование городских фестивалей в пяти городах: Лондоне, Барселоне, Дублине, Глазго и Гетеборге. Прежде всего, эти города отличаются численностью населения: в Лондоне проживает около 10,8 миллионов жителей, в Барселоне – 5,4 миллиона, в Дублине и Глазго по 1,2 миллиона, в Гетеборге – 580 000 человек [46]. Все города имеют этнически разнообразное население и сталкиваются с трудностями в обеспечении того, чтобы люди из разных этнических групп были включены в общество и могли принимать в нем равное и значимое участие.

Население Барселоны и Дублина стало значительно этнически смешанным в последние десятилетия. В обоих городах статистика показывает тенденцию к скоплению, геттоизации мигрантов, а не к равномерному распределению по городским районам [46]. Совершенно иначе в европейском контексте Швеция выделяется тем, что из всех европейских государств наиболее охотно принимает иммигрантов, и в этом процессе столкнулась со многими проблемами [46]. Действительно, Гетеборг считается чрезвычайно изолированным городом, не в последнюю очередь после кризиса с беженцами в 2015 г. Два города (Лондон и Дублин) являются столицами, что означает, что на национальном уровне

они обладают непревзойденной степенью политической и коммерческой власти, а также непропорционально большой долей культурных учреждений [46]. Между тем Барселона является столицей Каталонии, автономной области на севере Испании с решительно выступающим за независимость правительством. Трое из этих городов происходят из двух самых густонаселенных и влиятельных в культурном отношении государств Европы (Глазго и Лондон в Великобритании и Барселона в Испании), что делает их центральными в производстве и потреблении столь многих международных культурных нарративов. Политически Гетеборг отличается от других городов тем, что шведская система управления характеризуется рыночной демократией социального обеспечения с обширным государственным сектором [46].

Ассоциации городов с фестивалями и мероприятиями существенно различаются по ряду направлений. Лондон и Барселона, как крупнейшие города в исследовании, имеют давние традиции проведения крупномасштабных мероприятий всех видов. Оба города принимали Олимпийские игры, Лондон делал это трижды, и оба города к настоящему времени умеют стратегически использовать мероприятия для дальнейшего восстановления городов и достижения целей международного позиционирования. Оба города также имеют давнюю историю инвестирования в фестивали, в отличие от деловых и спортивных мероприятий. В Барселоне, например, в конце 1970-х-начале 1980-х гг. наблюдалось возрождение культурных фестивалей в рамках движения за демократизацию общественного пространства и восстановление каталонских народных традиций после диктатуры Франко (1939–1975 гг.) [46]. В последние десятилетия также проводились фестивали и мероприятия, такие как Форум Универсальных культур, который был проведен в 2004 г., и использовался как возможность для достижения маркетинговых, экономических целей и городского развития.

Городская трансформация Гетеборга с 1980-х гг. подчеркивает тот факт, что городской дизайн, в частности роль общественного пространства и важность культуры, мероприятий и туризма, играли ключевую роль в развитии города с 1980-х гг. Как и Гетеборг, возрождение Глазго как города было тесно связано со стратегическим использованием мероприятий, в том числе культурных, начиная с 1980-х гг. Его обозначение как Европейского города культуры в 1990 г. принесло городу особую международную известность в этом отношении. Эволюция стратегического мышления о событиях началась позже в Дублине, возможно, в 1995 г., когда национальное и городское правительства совместно инициировали фестиваль Святого Патрика с четкими туристическими мотивами [46]. Его опыт проведения крупномасштабных международных мероприятий на сегодняшний день скромнее, чем в других городах, хотя его документ о

Культурной и творческой стратегии Дублина (2018-2022) направлен на то, чтобы сделать культуру центральной для глобальной конкурентоспособности и репутации города в будущем.

У всех пяти городов есть программные тексты относительно культуры. Ключевым выводом является то, что в четырех из пяти исследуемых городов нет программных документов, посвященных фестивалям или мероприятиям на городском уровне, хотя можно отметить, что во многих районах Лондона есть стратегии проведения мероприятий. Вместо этого упоминания и ссылки на фестивали можно по-разному найти в программных документах, охватывающих от общих планов развития городов до отраслевых планов, обычно связанных с культурой или туризмом. Дублин – единственное исключение, и это город с наименьшим опытом использования фестивалей или мероприятий в качестве инструмента городской политики. В ноябре 2018 года компания разработала свою первую стратегию проведения специальных мероприятий, частью которой являются фестивали [46]. Хотя Глазго разработал новую стратегию проведения мероприятий непосредственно перед началом пандемии коронавируса, но ее не опубликовали.

Комплексный план Гетеборга 2009 года подчеркивает ценность зеленых насаждений и отдыха на свежем воздухе для всех, отмечая связь между природой и хорошим качеством жизни. В целом, когда в программных документах обсуждаются фестивали, они, как правило, проводят четкие ассоциации между фестивалями и общественным пространством. В Барселоне проведение культурных мероприятий в общественном пространстве явно связано с демократизацией культуры. В 2016 г. муниципалитет опубликовал обязательный отчет с изложением конкретных планов культурных реформ в городе [46]. В документе «Стратегия мероприятий и рекомендации по спонсорству мероприятий» Дублинского городского совета конкретно определены восемь общественных мест, где поощряются мероприятия [46]. В Лондоне примечательной особенностью большинства мероприятий, финансируемых мэром Лондона, является то, что они проводятся в одном из самых знаковых и символических мест города – Трафальгарской площади [46]. Это отражает понимание того, что видные общественные пространства могут демонстрировать ключевые фестивали, и, в свою очередь, как ключевые фестивали могут быть использованы для переосмысления общественных пространств. Трафальгарская площадь символизирует Лондон в глазах многих, и поэтому, в целом, мероприятия, проводимые здесь, считаются представляющими Лондон [46].

Кого именно стремятся включить города, иногда неясно из чтения самих политических текстов. В Культурной стратегии мэра Лондона на 2018 год разнообразие является ключевым понятием. Явное упоминание фестивалей в текстах о культурной

интеграции отсутствует в большинстве городов. В Дублине, например, есть стратегия интеграции, касающаяся разнообразия и интеграции, но фестивали и мероприятия здесь почти не упоминаются.

Появление новых «голландских» художников вызвал процесс трансформации в области изобразительного искусства в Нидерландах. В последние годы культурное разнообразие больше не является главным приоритетом культурной политики голландцев, как это было в конце 1990-х гг. Однако со временем постепенно был создан ряд организаций, способствующих разнообразию, и дискуссии об этом продолжаются.

Что касается фестивалей, они действуют в очень сложных контекстах. Много свидетельств политической риторики, связывающей фестивали с включением в культуру, слишком часто наблюдались признаки того, что политическое мышление не было всесторонне разработано или объединено в соответствующих областях политики. Самым явным признаком этого было отсутствие упоминаний о фестивалях в стратегиях культурной интеграции. Во всех рассматриваемых городах общественное пространство и фестивали связаны между собой тем, что публичное проведение фестивалей считается жизненно важным для достижения целого ряда целей, а не только культурной интеграции. Как показывают исследования, фестивали могут быть представлены в любом количестве областей политики и стратегии, однако редко они рассматриваются комплексно как практика, способная обогатить город по нескольким направлениям одновременно.

4 Присутствие мигрантов на культурных площадках в крупных российских городах

Осенью 2019 года в Московском Доме национальностей по инициативе Координационного совета киргизской диаспоры состоялся Фестиваль «Культура нас объединяет». Этот фестиваль является типичным примером мероприятия, организованного в рамках государственной политики управления многообразием. В его рамках в первый день состоялся «круглый стол» с дежурными выступлениями должностных лиц и членов этнических общественных организаций. Во второй день состоялись выступления фольклорных коллективов в национальных костюмах, угощение национальными блюдами и выставка декоративно-прикладного искусства. Само название мероприятия, в котором «культура» используется в единственном числе, звучит довольно странно, так как каждая организация стремится представить свой народ как особенный, со своими традициями и обычаями. Мы видим объяснение этому парадоксу в двух интерпретациях того, что здесь заложено в понятие «культура». Во-первых, под «культурой» понимается определенная сфера социально санкционированной деятельности. Это способ затронуть вопросы этнической принадлежности и идентичности, защищенный от острых социальных и политических артикуляций. Во-вторых, и это более имплицитное понимание, представления этничности, опосредовано моделью, унаследованной от институтов советской культурной политики. Обращаясь к национальной специфике, эти представления остаются глубоко советскими по форме, и поэтому можно утверждать, что участники фестиваля имеют общую культуру.

В течение года на культурных площадках Москвы проводится множество мероприятий, в которых принимают участие выходцы из Средней Азии, как постоянно проживающие в России, так и временные мигранты. Эти мероприятия варьируются от масштабных фестивалей, объединяющих несколько этнических общественных организаций, до небольших собраний, ориентированных на членов одного языкового сообщества. Удивительно, что исследования по интеграции мигрантов в России до сих пор игнорировали этот довольно важный вид культурного участия. Существуют научные работы, дающие хорошее представление о том, как выглядит интеграция на местном уровне, а также те, которые проливают свет на досуг мигрантов из Средней Азии в крупных городах России. Эти исследования описывают различные сегменты городской инфраструктуры, в рамках которых происходят процессы рутинной социальной адаптации. Однако они не затрагивают такой значимой проблемы, как символическая коммуникация мигрантов.

Данное исследование представляло собой попытку изучить способы представления общественного мнения о кыргызском, узбекском и таджикском сообществах посредством культурных практик, локализованных в городской инфраструктуре Москвы. Выбор этих трех стран объясняется тем, что в последние годы они стали одним из основных миграционных доноров для России, однако их культурное наследие остается плохо институционализированным в крупнейших городах нашей страны. Здесь нужно сделать терминологическое пояснение. Мы использовали термин «мигранты» в этом исследовании по двум причинам. Во-первых, основное внимание уделялось художественным группам, созданным трудовыми мигрантами. Как будет показано ниже, во многих случаях их доступ к определенным культурным объектам опосредован активистами этнических общественных организаций, многие из которых постоянно проживают в России. Однако, как показала выборка, основная творческая деятельность осуществляется людьми, которые постоянно возвращаются в страну происхождения, то есть локализованы в транснациональном социальном пространстве. Во-вторых, по мнению Умберто Эко, слово «иммигрант» наполнено политическим и административным смыслом, которого мне хотелось бы избежать.

Что оправдывает использование здесь термина «культурная инфраструктура»? Формальная причина заключается в том, что он фигурирует в программных документах московских властей, ответственных за управление многообразием. Под «инфраструктурой» авторы этих документов понимают подведомственные бюджетные учреждения, в которых власти совместно с лояльными общественными организациями осуществляют отчетную деятельность, направленную на гармонизацию межэтнических отношений. Однако мы трактовали понятие «культурная инфраструктура» в более широком смысле - как совокупность государственных и частных платформ, опосредствующих культурную деятельность мигрантов из Центральной Азии, а также формальных и неформальных, вертикальных и горизонтальных социальных связей, выстроенных вокруг этих платформ.

Далее мы продемонстрируем институциональный дизайн культурной инфраструктуры, в рамках которой локализуются культурные выступления мигрантов из Центральной Азии, попавших в ракурс исследования. Затем мы продемонстрируем, как в этих выступлениях формируется адресация к трем типам аудитории через различные сегменты описанной инфраструктуры: (i) сообществам мигрантов; (ii) представителям других этнических организаций; (iii) посетителям общегородских фестивалей.

Исследование было основано на углубленном интервью и методах наблюдения на месте. Эмпирическая часть исследования проводилась с июня 2019 года по март 2020 года. Вход в поле состоялся после премьеры спектакля любительской кыргызской театральной

группы «Аян» в Ресурсном центре НКО на Рязанском проспекте. Эта группа трудовых мигрантов из Кыргызстана сначала репетировала по вечерам в маленьких дружеских кафе, а затем появилась на сценах Татарского культурного центра, ДК «Стимул», Московского молодежного театра и ряда других мероприятий, организованных на разных уровнях, от Посольства Кыргызстана до мигрантских профсоюзов.

Обнаружив столь широкий спектр мест проведения культурных мероприятий, инициированных мигрантами, мы поставили перед собой задачу определить организационную структуру, через которую такие проекты реализуются. Для этого мы взяли интервью у ответственных за культурную деятельность в официально зарегистрированных киргизских, узбекских и таджикских общественных организаций. Далее мы искали информацию об этих организациях в социальных сетях (в основном в Фейсбуке) и, таким образом, нашли несколько художественных групп, работающих под их эгидой. Мы взяли интервью у нескольких членов этих групп и по их приглашению провели наблюдение на месте во время их выступлений.

Всего нам удалось взять 19 полуструктурированных интервью. Все они были проведены на русском языке. Из них 5 были с представителями этнических общественных организаций, 11 - с членами творческих коллективов и 3 экспертных интервью с людьми, имеющими профессиональный опыт в организации мероприятий с выходцами из Центральной Азии. Мы посчитали собранные данные валидными в тот момент, когда начали регулярно повторяться описания имеющейся инфраструктуры и правила, по которым должны реализовываться культурные проекты.

Больше всего нас интересовало в ходе анализа данных то, что аутентичность исследуемых практик не подвергалась сомнению ни со стороны артистов, ни со стороны их аудитории. Нам нужно было выяснить, почему благостные выступления в духе советских праздников не вызывают когнитивного диссонанса у информаторов, учитывая позицию, занимаемую мигрантами из Средней Азии в социально-символическом пространстве российских городов. Для решения этой проблемы мы прибегли к теоретической модели культурного перформанса, предложенной Джеффри Александером. По мнению Александера, прагматика перформанса заключается в том, чтобы сделать возможной идентификацию зрителей с актерами. Александер утверждает, что перформанс успешен настолько, насколько актеры могут свести воедино его разрозненные элементы, что позволяет ему выглядеть аутентичным для зрителя. Теоретическая сложность данного исследования состояла в том, что необходимо объяснить, почему в условиях миграции, когда не только элементы перформанса, но и его аудитория находятся в дезагрегированном состоянии, ожидания в отношении успеха рассматриваемого перформанса остаются

высокими. Когда мы говорим о понятии «культура» в этом исследовании, мы имеем в виду именно те значения, которые вложили в это понятие информанты, то есть идею культуры как отдельной функциональной и профессиональной сферы общественной жизни. Это понимание проистекает из специфики советской институциональной системы, и оно оказалось очень устойчивым в постсоветских реалиях.

Исследование было сосредоточено на музыкальных, танцевальных и театральных коллективах, которые именуется «инициативными группами» в лексиконе этнических общественных организаций. Последние выступают в качестве главных «привратников» для творчески активных людей из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана на пути к государственным учреждениям культуры. Любое официальное мероприятие, проводимое на территории МДН, посольств, городских библиотек или ресурсных центров, должно быть организовано по договору с зарегистрированными организациями.

Наиболее развитая система представительства в этом смысле существует среди киргизов. Она состоит из двух крупных региональных общественных организаций, а также одной межрегиональной организации, которая действует более 20 лет. Несколько информантов подтвердили, что за этими тремя структурами действуют более 70 неформальных объединений. Некоторые из этих объединений формируются по территориальному принципу (люди из одного города или села) и функционируют как фонды взаимопомощи. Некоторые из них больше похожи на хобби-группы - литературные клубы, любительские театры, музыкальные и танцевальные ансамбли и т.д. Что касается узбекской и таджикской общин, то в каждом случае в исследование попала одна областная организация, так как они более активно участвуют в организации культурной деятельности по сравнению с другими аналогичными структурами. В этих двух случаях довольно трудно судить о реальном количестве подобных низовых объединений и инициативных групп. Однако данные, которые удалось собрать по материалам одной таджикской и двух узбекских художественных групп, свидетельствуют о том, что общение между формальными и неформальными ассоциациями выглядит практически одинаково.

Какие ресурсы могут аккумулировать творческие коллективы, сотрудничая с зарегистрированными организациями? Прежде всего, это возможность представить коллектив на мероприятиях, проводимых под эгидой Департамента национальной политики (ДНП) и подведомственного ему учреждения - Московского Дома Национальностей (МДН). Артисты, участвующие в таких мероприятиях, никогда не получают вознаграждения, но сама возможность представить себя перед большой аудиторией мотивирует их к занятию творчеством. В течение года МДН организует

мероприятия, посвященные той или иной этнической общности, а также «междиаспоральные встречи».

Однако МДН не предоставляет постоянных помещений для художественных групп. Они не могут использовать его для репетиций и подготовки к выступлениям, даже если речь идет о фестивалях, организуемых ДНП. Ресурсные центры НКО чаще служат помещениями для репетиций. Подчиняясь правительству Москвы, эти ресурсные центры обязаны заключать соглашения с этническими общественными организациями и бесплатно предоставлять им время для своей деятельности. Но для трудовых мигрантов эти площадки доступны в неудобное для них время – не позднее 19 часов вечера, а в выходные дни они закрыты. Чтобы забронировать там время для репетиции или спектакля, каждый коллектив должен стоять в очереди 2-3 месяца, так как под попечительством каждой зарегистрированной организации находятся много творческих объединений.

Библиотеки – еще один тип учреждений, к которым теоретически могут иметь доступ зарегистрированные организации. В рамках проекта «Диалог культур», инициированного Московской городской Думой, библиотеки призваны проводить мероприятия, посвященные этнокультурному разнообразию. Подобные инициативы уже имели место, но не были институционализированы. Однако «Диалог культур» не улучшил ситуацию принципиальным образом. В одной из центральных московских библиотек начали создавать культурный центр совместно с этнической общественной организацией, но это предприятие не принесло ощутимого продвижения творческим людям из соответствующих сообществ.

С учебными заведениями устанавливаются менее формализованные отношения. Школы приглашают этнические организации и художественные коллективы для проведения так называемых «дней толерантности» или «уроков дружбы». В университетах, где есть среднеазиатские студенческие сообщества, часто проводятся «дни культуры», посвященные странам их происхождения. Чаще всего они сами направляют запрос в этнические общественные организации, чтобы пригласить один или два коллектива принять участие в концерте или выставке. Так, накануне празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне многие бюджетные культурные центры и университеты пытались заманить киргизские, узбекские и таджикские коллективы продемонстрировать роль бывших советских республик в этом историческом событии.

Мы столкнулись с одним случаем сотрудничества территориального общественного самоуправления одного из центральных районов Москвы со студией этнического танца. Они предоставили возможность руководителю студии работать с детьми по воскресеньям за минимальную арендную плату. Однако в большинстве случаев, которые нам довелось

наблюдать, самодеятельные художественные коллективы трудовых мигрантов вынуждены арендовать помещения для репетиций и спектаклей самостоятельно.

Далее мы сосредоточимся на сценариях, фоновых представлениях и средствах символического производства, которые преобладают в перформансах, локализованных в том или ином сегменте описываемой инфраструктуры, в зависимости от целевой аудитории, а также от воздействия определенных социальных сил.

Довольно очевидно, что для большинства рассматриваемых коллективов их деятельность не приносит материальной выгоды. Напротив, люди готовы тратить свои скудные материальные и временные ресурсы на творческую деятельность. Для многих рядовых членов зарегистрированных этнических общественных организаций дивиденды от их усилий по развитию культурной деятельности также весьма сомнительны. Поэтому мы имеем дело не с «этническими предпринимателями», а с «этническими энтузиастами».

Инициативы, исходящие от самих среднеазиатских художественных коллективов, адресованы в первую очередь их соотечественникам, проживающим в Москве. Поиск достойного места является одной из главных проблем в этом отношении. Примечательно, что большинство информаторов четко разграничивают сферы развлечений и искусства. Мы часто слышали от них, что кафе и рестораны – это неподходящие места для настоящего искусства, потому что последнее требует подходящей атмосферы. Поскольку доступ в бесплатные концертные залы предоставляется редко, мигрантские коллективы арендуют помещения самостоятельно.

Наиболее доступными в этом смысле являются бывшие советские ДК, которые выживают благодаря своему подчинению городскому Департаменту культуры. Нельзя сказать, что информанты воспринимают московские ДК как гостеприимные пространства. Несмотря на то, что районная пресса иногда с гордостью сообщает о концертах, проводимых в местных культурных центрах выходцами из Средней Азии, последним известно, что хозяева сайтов обычно воспринимают их как инопланетян.

Однако, когда спрашивалось об образе желаемого будущего, многие информанты отвечали, что хотели бы иметь культурный центр, такой как ДК, в своем собственном постоянном распоряжении.

Несмотря на то, что мероприятия, организуемые среднеазиатскими художественными коллективами, ориентированными на собственные языковые сообщества, направлены на воссоздание атмосферы пребывания на родине, они соответствуют тем способам презентации «этнических культур», которые преобладают в культурной жизни большинства регионов России. Несмотря на кажущуюся искусственной репрезентацию этничности на проводимых там мероприятиях, ДК остается главным

этапом, на котором создается «публичное лицо сообщества», а значит, и местом обретения общественного признания. В случае киргизских, узбекских и таджикских художественных коллективов в Москве существует аналогичная потребность в такой сцене, но при отсутствии постоянной площадки, которая могла бы ее удовлетворить.

Наряду с вышесказанным, все художественные группы, которые пришли в область данных исследований, имеют опыт выступления на мероприятиях, организованных другими так называемыми диаспоральными организациями. В данном случае под «диаспорами» понимаются этнические общественные организации, которые стремятся представлять народы бывших советских республик, а также национально-культурные автономии народов России. Ключевой платформой их взаимодействия является МДН. Однако между ними также налажены неформальные контакты. Так, по словам нескольких информаторов, существуют «междиаспорные» чаты, в которых представители организаций, а также отдельных творческих коллективов могут договариваться о совместных мероприятиях. Существует устойчивая традиция, что если одна этническая организация организует крупное городское мероприятие, то на него приглашаются представители других «диаспор».

Интервью показывают, что на низовом уровне существует явная потребность в общении с представителями других групп этнических меньшинств. Мы видим объяснение этому явлению в том, что участие в таких мероприятиях – это совместная попытка вернуть себе достоинство. Демонстрация признания важности культур друг друга, пусть и в экзотизированной форме, резко контрастирует с повседневным опытом участников.

Доступ указанных художественных групп к русскоязычной аудитории обеспечивается либо государственными структурами, будь то ДНП, бюджетные образовательные и культурные учреждения, либо частными организаторами выставок декоративно-прикладного искусства. Такая деятельность в значительной степени опирается на символический фон советских декад национального искусства.

Если же инициативу поддерживают посольства стран происхождения, то здесь прослеживается другой формат – этнофестивали, которые выстраиваются в эстетических рамках исторической реконструкции.

Оба сценария предполагают столкновение с материальными объектами, то есть обобщенными изображениями, а не с отдельными лицами. Чтобы создать антураж, соответствующий идее правильной демонстрации «публичного лица сообщества», художественным группам приходится постоянно искать необходимые средства символического производства. Такими средствами являются традиционные костюмы, национальные флаги и антиквариат. Чтобы получить все это, они часто обращаются за

помощью к этническим общественным организациям. Последние пытаются поддержать такие инициативы в той мере, в какой это позволяют их ресурсы, а также символически поощрять творческих работников. За это почти после каждого концерта представители общественных организаций, а иногда и посольств республик, награждают участников почетными грамотами.

Таким образом, художественные коллективы, сформированные мигрантами из Средней Азии, которые выступают на общегородских площадках в Москве, часто оказываются в зоне контроля властей как принимающих, так и отправляющих стран. Во-первых, определенные идеологические директивы исходят от ДНП, если мероприятия проводятся при его поддержке. Так, в 2020 году все коллективы, участвующие в концертной программе на праздновании праздника Навруз, должны были отразить тему Великой Отечественной войны в связи с 75-летием Победы. Во-вторых, посольства часто направляют своих сотрудников на статусные мероприятия с участием людей из своих стран для того, чтобы «национальная культура» была представлена так, как они считают нужным.

С другой стороны, поскольку за выступления на городских мероприятиях, посвященных культурному разнообразию, гонорары не выплачиваются, к участвующим коллективам применяются довольно мягкие критерии профессиональной квалификации. Поскольку цель таких мероприятий – получить этнически репрезентативный состав, многие самодеятельные коллективы получают возможность выступить на большой сцене, что вряд ли было бы возможно на родине. Выступления на престижных культурных площадках Москвы довольно часто привлекают внимание среднеазиатских СМИ, среди которых востребованы истории успеха людей в миграции. А это, в свою очередь, может принести последующее признание художникам-мигрантам на их родине.

Во всех трех рассмотренных нами коммуникативных контекстах наблюдается одна и та же закономерность. Перформансы предполагают отождествление аудитории с актерами как «носителями национальной культуры». Такой сценарий культурного поведения, гарантирующий общественное признание, во многом унаследован от (позднего) советского периода. Следовательно, социальный опыт участников (в случае центральноазиатского происхождения), т.е. их миграционный опыт, выпадает из поля зрения. Вместо этого им присваивается символический статус уважаемых послов страны происхождения. Это переключение социального статуса основано на наделении культурной сферы качествами «безопасного пространства», территории мира и согласия, очищенной от острых социальных проблем.

Как показало исследование, художественные группы, сформированные мигрантами из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана в Москве, существуют в основном благодаря

собственному энтузиазму и отсутствию материальных ресурсов. Зарегистрированные этнические организации, а также структуры городского управления, ответственные за управление многообразием, могут предоставить им доступ к некоторым общественным платформам, но не дают возможности институционализировать свои культурные инициативы. Основная деятельность центральноазиатских музыкальных, танцевальных и театральных коллективов осуществляется путем аренды помещений в бюджетных культурных центрах (в основном, ДК) за счет собственных средств.

Когда речь идет о выступлениях в учебных заведениях или на городских фестивалях и торжествах, артисты-любители-мигранты оказываются в зоне контроля общественных сил как принимающего, так и направляющего государства. С одной стороны, ДНП пытается сохранить определенные идеологические маркеры для таких мероприятий, используя дискурсивные рамки «диалога культур» и ссылки на общее советское прошлое. С другой стороны, представители посольств посылающих стран пытаются обеспечить правильное отображение «национальной культуры» на престижных московских площадках.

В таких дискурсивных рамках артисты-мигранты выступают исключительно как «послы культуры», в то время как их социальный опыт, связанный с повседневной жизнью в России, остается замалчиваемым. Однако было бы неправильно полагать, что эта форма самопрезентации определяется исключительно властью. Опросы и наблюдения за различными событиями показывают, что требование о роли «носителя культуры» сохраняется как при обращении к соотечественникам, так и к представителям других национальных меньшинств. Тот факт, что аутентичность обсуждаемых выступлений не ставится под сомнение ни артистами, ни их целевой аудиторией, несмотря на социальные условия, в которых они оказались в России, свидетельствует о живучести унаследованных от советской культурной политики моделей завоевания общественного признания.

Основные формы организации творческой активности трудовых мигрантов, которые я обнаружил в ходе исследования, – это самостоятельные музыкальные, танцевальные и театральные коллективы. Их состав обычно варьируется от 7 до 15 человек. Руководители таких коллективов – как правило, люди старше 40 лет, чья профессиональная социализация пришлась на позднесоветский и ранний постсоветский периоды. Среди них есть профессиональные режиссеры, преподаватели музыки, а также методисты культуры, которые были вынуждены сменить профессию, находясь в миграции. Остальные участники зачастую не имеют артистического образования. Это трудовые мигранты – преимущественно молодые люди, желающие заниматься творчеством, несмотря на острую нехватку свободного времени. В отличие от большинства мигрантских общественных инициатив, в частности, касс взаимопомощи, такие коллективы формируются не по

земляческому признаку – в них представлены выходцы из разных регионов страны происхождения. Участники этих творческих групп знакомятся в Москве, в основном, через соцсети. Художественные коллективы, созданные мигрантами, получают доступ к некоторым бюджетным учреждениям культуры и городским фестивалям при посредничестве зарегистрированных национальных организаций. Однако последние не могут обеспечить им достаточную материальную поддержку, в результате чего руководители таких коллективов вынуждены действовать самостоятельно, арендуя залы для репетиций и выступлений за свой счет.

Мероприятия, организованные кыргызскими, узбекскими и таджикскими творческими группами для своих соотечественников – будь то инсценировки литературных произведений, концерты национальной музыки и танца или битвы команд КВН¹² – имеют важную общую особенность. Они призваны прежде всего воссоздать атмосферу пребывания на родине и тем самым позволить как зрителям, так и артистам, на время забыть о тяготах мигрантской жизни. Для участников самодеятельных коллективов выход на сцену дает возможность получить признание в качестве творческой личности, дистанцировавшись от роли трудового мигранта.

Адресация коллективов, созданных мигрантами, к аудитории, выходящей за пределы собственного языкового сообщества, осуществляется двумя путями. Первый из них – это совместные выступления с представителями других диаспор. Под «диаспорами» в данном случае имеются в виду прежде всего региональные общественные организации, стремящиеся представлять народы бывших советских республик, а также национально-культурные автономии народов России. Между творческими группами, выступающими под эгидой таких организаций, часто устанавливаются неформальные контакты. Несколько моих информаторов говорили о том, что они договариваются о совместных выступлениях с дружественными коллективами в «междиаспорных» чатах. Как показывают материалы интервью, подобная демонстрация взаимного признания и уважения опять же резко контрастирует с повседневным московским опытом участников самодеятельных коллективов.

Второй тип новой аудитории – это русскоязычная публика, доступ к которой опосредуется либо государственными структурами, будь то Департамент национальной политики¹³, бюджетные образовательные и культурные учреждения, либо частными организаторами выставок декоративно-прикладного искусства. Эстетика такого рода

---

¹² В Москве действует филиал кыргызской лиги КВН «Тамашоу», в которой выступают команды, созданные трудовыми мигрантами.

¹³ Департамент национальной политики и межрегиональных связей города Москвы.

мероприятий во многом опирается на наследие советских Декад национального искусства – фестивалей «Дружбы народов». Если же инициатива исходит от посольств стран происхождения, то здесь превалирует формат этнофестивалей в духе исторической реконструкции. Оба формата предполагают встречу зрителей прежде всего с материальными объектами – обобщенными образами национальной культуры, а не индивидами.

Наряду с этим, существуют единичные примеры неожиданных культурных альянсов, в которых принимают участие мигрантские художественные коллективы. Один из них – это сотрудничество кыргызских литераторов-любителей из клуба «Московские напевы» с Всероссийским литературным фестивалем фестивалей «ЛиФФт». Другой пример – постановка романа Чингиза Айтматова «Плаха» в Московском молодежном театре под руководством Вячеслава Спесивцева с участием актеров кыргызского любительского театра «Аян».

Как бы то ни было, во всех рассмотренных нами формах адресации проявляется одна и та же особенность. Творчески активные люди из мигрантской среды предстают перед публикой прежде всего как амбассадоры «национальной культуры», в то время как их социальный опыт остается за скобками. Такого рода «трангрессия» основывается на том, что культуре отводится роль безопасного пространства – территории мира и согласия, зачищенной от острых социальных проблем, связанных с миграцией.

В последние годы несколько ведущих московских музеев¹⁴ начали активно работать с миграционной проблематикой, посвящая ей выставки, конференции и фестивали – с одной стороны, и организуя инклюзивные программы для людей, имеющих миграционный опыт, – с другой. На сегодняшний день основной адресат таких программ – это дети мигрантов. В этом отношении наметившийся в московском музейном сообществе инклюзивный поворот вполне закономерным образом следует тем образцам, которые можно обнаружить в Северной Америке, Австралии и Западной Европе.

Куда сложнее обстоит ситуация с художественными инициативами, адресованными так называемому первому поколению мигрантов. Увлеченность институций современного искусства и кураторства различными формами социальной маргинальности вряд ли может сослужить добрую службу для создания артистического диалога, учитывая описанное выше стремление многих творчески активных выходцев из Центральной Азии дистанцироваться от статуса «мигранта». В ходе исследования у нас сложилось стойкое ощущение, что паттерны экспонирования «национальных культур», доставшиеся в наследство от

---

¹⁴ В их числе Музей Москвы, Новая Третьяковка, Музей современного искусства «Гараж», Политехнический музей, Музей русского импрессионизма.

советских институтов, воспроизводятся не только потому, что отвечают идеологической рамке российской национальной политики, но и вследствие низового запроса на их воспроизводство. В значительной степени этот запрос объясняется тем, что позиционирование в качестве носителя «национальной культуры» дает известные гарантии социального признания и тем самым отвечает представлениям участников соответствующих практик о культурной интеграции. На этом фоне современное искусство, тематизирующее различные проявления неравенства и маргинальности, скорее маркирует тенденцию к социальной дезинтеграции, в особенности для тех, кто не вовлечен в его производство на профессиональном уровне. Вопрос, который представляется мне наиболее трудным, когда речь идет о дихотомии *inclusion/outreach* применительно к проектам с участием мигрантов, заключается в том, возможен ли «третий путь» – смещение акцента с группового на индивидуальный уровень репрезентации в отсутствии фокусировки на инаковости социального опыта участников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы привели примеры деятельности муниципальных органов власти, направленной на взаимодействие с мигрантскими сообществами и их интеграцию. Несмотря на то, что в каждом конкретном городе есть свои особенности, влияющие на полномочия муниципальных органов в этом вопросе (отношения между муниципальной и национальной властью, особенности политического положения в самом городе, вовлеченность города в межгородские процессы обмена опытом), можно тем не менее выделить основной вектор их политики. Он заключается в диверсификации – создании многообразия в разных сферах жизни города, то есть в возможности устраивать мигрантов на работу в: государственно-социальном секторе, бизнес-структурах и в бюрократическом аппарате.

Мы разобрали деятельность чиновников, работающих в структурах, ответственных за управление многообразием в разных европейских городах. Их полномочия и возможности невелики, однако они обладают определенным набором инструментов для продвижения своих идей. В целом их деятельность можно охарактеризовать как привлечение внимания к проблемам многообразия разными способами. Можно выделить два таких способа: консультирование представителей других департаментов на муниципальном уровне и проектная работа, направленная на привлечение общественного внимания к проблемам многообразия с помощью проведения публичных мероприятий.

Теперь остановимся на потенциальных возможностях, которые есть у муниципальных органов власти в работе с мигрантскими сообществами. Для этого мы дадим свою оценку эффективности работы местных органов власти в целом и специальных департаментов, занимающихся многообразием, в частности. Затем имеет смысл обратиться к перспективам работы с разнообразием, то есть к тому, какую выгоду города могут извлекать из проведения такой политики. И, наконец, мы ответим на вопрос о том, какими еще возможностями обладают муниципальные органы власти в сфере работы с мигрантскими сообществами.

В исследовании мы рассматривали возможности, которыми обладают как муниципальные органы власти в принципе, так и отдельные департаменты, специализирующиеся на вопросах разнообразия. Если говорить о местных органах власти в целом, то основная суть их деятельности – создание многообразия в разного рода структурах – представляется достаточно эффективной. С нашей точки зрения, интеграция мигрантов в общество через их трудоустройство на разного рода бюрократические позиции – самый действенный и простой способ. Очевидно, что самый доступный вариант –

устраивать мигрантов в разного рода социальные службы, которые, в частности, занимаются решением аналогичных вопросов.

Однако интеграция мигрантов на рабочие места в бизнес-структурах не представляется легко решаемой задачей. Несмотря на то, что в европейском обществе есть запрос на многообразие в компаниях, то есть можно себе представить даже рост доходов той или иной компании из-за увеличения количества представителей меньшинств в их составе, значительная корреляция между этими двумя факторами едва ли будет прослеживаться. Тем более, можно добавить, что вместе с запросом на многообразие в компаниях растет и количество людей, негативно настроенных по отношению к мигрантам.

В том, что касается деятельности специальных департаментов многообразия, то их деятельность вызывает гораздо больше вопросов. Дело в том, что она имеет мало отношения к непосредственной работе с мигрантами. В основном, чиновники такого рода департаментов занимаются работой с другими департаментами и привлечением публичного внимания к проблемам многообразия. Причем, работа с другими департаментами тоже ограничивается привлечением внимания. Несмотря на то, что привлекать внимание к значимым социальным проблемам очень важно, не очень понятно, зачем ставить задачей целого департамента работу, которой должны были бы заниматься активисты и члены некоммерческих организаций.

Теперь перейдем к выгодам, которые могут получать города от успешной работы с многообразием в целом и с мигрантами в частности. В первую очередь, образ разнообразного города кажется привлекательным с точки зрения культурной и туристической инфраструктур. Создание этого образа, с одной стороны, улучшает качество жизни его жителей – у них появляется больше возможностей, например, с точки зрения проведения досуга. С другой стороны, этот образ должен привлекать больше туристов, которым интересно наблюдать многообразие во всех сферах городской жизни (культурной, гастрономической и так далее) [45:163].

Второй аргумент в поддержку политики разнообразия состоит в том, что многообразие среди членов разного рода органов власти позволяет этим органам лучше решать, поставленные перед ними задачи. Главный довод заключается в том, что разные люди по-разному смотрят и оценивают разные задачи. Следовательно, они будут находить более необычные и подходящие способы решения этих задач [45:163-166].

Наконец, многообразие выгодно для развития бизнеса. Тут речь идет уже не о привлекательности «разнообразных» организаций для потенциальных клиентов, а непосредственно внутренние преимущества для компаний, в которых работает большое количество представителей меньшинств. Чем больше существует мнений в коллективе, тем

лучше это для этого самого коллектива. Еще один аргумент состоит в том, что работа с разнообразными клиентами становится легче, если состав организаций тоже разнообразный [45:166-168].

В целом, если суммировать деятельность муниципальных органов власти и специальных департаментов многообразия, можно прийти к выводу, что работа первых выглядит достаточно продуктивной, особенно в том, что касается трудоустройства мигрантов на рабочие места. Что касается департаментов многообразия, то их деятельность гораздо в гораздо меньшей степени подлежит оценке на эффективность. Таким образом, из всех приведенных аргументов европейских исследователей многообразия можно отметить перспективу развития европейских городов в том, что касается развития образа многообразного города.

Мы обсудили, что термин «многообразие», в отличие от устаревшего термина «мультикультурализм» подразумевает работу, направленную не на узкую группу этнокультурных меньшинств, а подразумевает вовлечение гораздо большего количества людей. Многообразие подразумевает общества, состоящее из разных людей, по самым разным критериям (гендер, возраст, раса и так далее).

В связи с этим изменением направленности политики в Европе, произошедшим в 2000-е годы, значительно изменилась и деятельность муниципальных органов власти, отвечающих за проведение политики многообразия. Эти изменения коснулись структуры департаментов – теперь они не разделены на группы чиновников, работающих каждая со одной этнокультурной группой, а представляют из себя единый коллектив, работающих со всеми. Департаменты теперь ориентированы не на группы людей, будь то женщины или мигранты из Африки, а на индивидуумов. Подразумевается, что каждый человек скорее всего относит себя к какому-нибудь меньшинству (может быть, даже и не к одному). Идея многообразия сменила в головах её сторонников вечную идею борьбы за равенство, на практике не подтвердилась.

Далее мы описали деятельность муниципальных органов власти при проведении политики многообразия, в частности, при работе с мигрантами. Основная цель муниципальных органов в целом – создание разнообразия на рабочих местах, то есть трудоустройство мигрантов в социальную сферу, попытка их трудоустройства в бизнес (бизнес компании пытаются убедить, что в обществе есть большой запрос на многообразие, и следовательно, компании будут получать больше прибыли, привлекая на работу мигрантов), и, наконец, в бюрократический аппарат в целом (разнообразие среди бюрократов улучшает понимание разнообразного общества). Здесь речь шла главным образом о деятельности специальных департаментов многообразия. Их деятельность не

направлена непосредственно на работу с мигрантами, потому что она сводится к консультированию других муниципальных органов и к привлечению внимания к необходимости развивать многообразие (это они делают, устраивая публичные мероприятия).

И наконец, мы оценили эффективность работы муниципальных органов власти. С одной стороны, можно сказать, что деятельность муниципальных органов, направленная на создание разнообразия на рабочих местах, имеет перспективу и является лучшим способом интеграции. Однако, что касается деятельности специализированных департаментов, то их работа, с нашей точки зрения, не имеет большого смысла, так как она направлена больше на пропаганду идей многообразия, чем на реальную работу с представителями меньшинств. В том, что касается перспектив развития многообразия, то, на наш взгляд, из всех описанных вариантов самый перспективный – это создание образа многообразного города. Эта идея востребована в современном мире.

В российском контексте представили результаты исследования, посвященного тому, как артистические практики с участием выходцев из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана локализуются в московской городской инфраструктуре. В центре внимания были художественные проекты, созданные трудовыми мигрантами и адресованные главным образом их соотечественникам, живущим в России. Тем не менее, нам довелось наблюдать несколько примеров творческих альянсов, благодаря которым имели место прецеденты адресации к новой аудитории. Далее мы постараемся показать, каким образом реализуются подобные *outreach*-стратегии, а также высказать несколько соображений относительно того, насколько они комплементарны повороту к инклюзивности, который в последние годы наметился в московских арт-институциях.

В отличие от досуговых практик мигрантов из Средней Азии в крупных городах России, на которые в последнее время обратили внимание исследователи, присутствие этой категории населения в городской культурной инфраструктуре до сих пор практически не изучено. В нашем исследовании, основанном на глубинных интервью с членами общественных организаций и художественных групп, созданных выходцами из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, а также на наблюдении за их деятельностью на различных культурных площадках Москвы, обнаружились особенности управления многообразием в постсоветском контексте. Самопрезентация представителей народов Центральной Азии на различных общественных площадках в Москве во многом сводится к исполнению роли послов «национальной культуры». Такая форма культурного поведения, унаследованная от советского прошлого, позволяет участникам соответствующих мероприятий добиться гарантированного признания как со стороны принимающей

стороны, так и со стороны своих соотечественников. Это легитимизирует их присутствие в публичной сфере в качестве агентов «диалога культур», поскольку соответствует доминирующему в России дискурсу об этническом многообразии. Таким образом, для большинства информаторов культура оказывается своего рода «безопасным пространством», свободным от повседневных трудностей, связанных с трудовой миграцией. Может показаться, что такой вид самовыражения для мигрантов определяется социальными силами: будь то чиновники, ответственные за национальную политику в Москве, посольства центральноазиатских республик или общественные организации, называющие себя «диаспорами». Но при более глубоком изучении вопроса выясняется, что упомянутые выше сценарии самопрезентации воспроизводятся и без прямого влияния со стороны властей. Объяснение этого явления может быть усмотрено в том, что среднеазиатские мигранты добровольно принимают такую форму самопрезентации – советскую по форме и национальную содержанию, поскольку это позволяет символически преодолевать маргинализацию, с которой они сталкиваются.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Young C.* The Politics of Cultural Pluralism. Madison: University of Wisconsin Press, 1976;
2. *Walzer M.* Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. New York: Basic Books, 1983.
3. *Taylor C.* The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / ed. A.Gutmann, Princeton, NJ, : Princeton University Press, 1994;
4. *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford University Press, 1995;
5. *Young I. M.* Inclusion and Democracy. Oxford University Press, 2000.
6. *Glazer N.* We are all multiculturalists now. Cambridge (Mass.): Harvard Univ.Press, 1997.
7. *Brubaker R.* The return to assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany and the United States // Ethnic and Racial Studies. Vol. 24 (4): 531-548.
8. Charte de diversité): <https://www.charte-diversite.com/signataires/> (доступ 24.03.21).
9. *Vertovec S.* Super-diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies*, 2007. Vol. 30. Pp 1024–1054.
10. *Noiriel G.* The French melting Pot: Immigration, Citizenship, and national Identity. Translated by G.Laforcade. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
11. *Geisser V., Soum E.Y.* The Legacies of Colonialism: Migrant-Origin Minorities in French Politics// *Race and Representation in Western Europe*, edited by T. E. Givens and R. Maxwell. London and Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2012. P.53-66.
12. *Vertovec S.* Multimulticulturalisms // M.Martiniello (ed). Multicultural policies and the state. Utrecht: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 1998.Pp. 25–38.
13. *Schlesinger, A. Jr.* The Disuniting of America: Reflexions on a multicultural Society. Knoxville, Tenn.: Whittle Books 1991; NY: Norton 1992;
14. *D'Souza D.* Illiberal Education: The Politics of Race and Sex on Campus. The Free Press, 1991.
15. *Castles S.* How Nation-States Respond to Immigration and Ethnic Diversity // *New Community*. 1995. Vol. 21, No 3, pp. 293-308;
16. *Castles S.* Democracy and Multiculturalism in Western Europe // L. Holmes, Ph. Murray (eds.). Citizenship and Identity in Europe. Gateshead, Tine&Wear: Athenaeum Press, Ltd, 1997, pp. 55-72

17. *Cohn-Bendit D, Schmidt T.* Heimat Babilon: Das Wagnis der multikulturellen Demokratie. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1992;
18. Leggewie C. Multi-Kulti: Spielregeln für die Vielvölkerrepublik. Berlin: Rotbuch Verlag, 1993
19. Barry B. The muddles of multiculturalism // *New Left Review*. 2001. No.8 (March-April). Pp. 49-71.
20. Radtke F.O. Multikulturalismus: ein postmoderner Nachfahrer des Nationalismus? — Multikulturelle Gesellschaft: Modell America? Hrsg. von B.Ostendorf. Muenchen 1994, S.229-236.
21. *Joppke C.* The Retreat of Multiculturalism in Liberal Nation State: Theory and Policy // *British Journal of Sociology* 2004. Vol.55. No. 2. Pp 237-257.
22. *Entzinger H.* “The rise and fall of multiculturalism: the case of the Netherlands”, in C. Joppke and E. Morawska (eds). *Towards Assimilation and Citizenship: Immigration in Liberal Nation-States*, Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2003. Pp. 59-86;
23. *Vasta E.* From ethnic minorities to ethnic majority policy: Multiculturalism and the shift to assimilationism in the Netherlands // *Ethnic and Racial Studies*, 2007. Vol.30, No.5. Pp. 713-740.
24. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах /под ред. С. М. Гавриленко; пер. с англ. А. А. Писарева. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
25. *Илтон Т.* Почему Маркс был прав? М.: Карьера-Пресс, 2017.
26. *Маяцкий М.* Ad hominem и обратно. М.: Изд.дом ВШЭ, 2020.
27. *Бауман З.* О свободе. М.: Новое издательство, 2006.
28. *Zizek S.* Multiculturalism or the cultural logic of multinational capitalism // *New Left Review*, 1/225, September/October 1997
29. *Silverman M.* Deconstruction the Nation. Immigration, Racism and Citizenship in Modern France. London, New York: Rotledge, 1992.
30. *Bommes, M. and Radtke, F.-O.* Migration into big cities and small towns: an uneven process with limited need for multiculturalism // *Innovation: The European Journal of Social Sciences*. 1996. Vol 9, No 1. Pp 75-86.
31. *Gilroy P.* ‘My Britain is fuck all’ : zombie multiculturalism and the race politics of citizenship // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2012. Vol. 19. Pp. 380-397.

32. *Meer, N, Modood T.* Multiculturalism, Interculturalism and Citizenship // Meer N., Modood T., Zapata-Barrero R. (eds.), *Multiculturalism and Interculturalism. Debating the Dividing Lines.* Edinburg: Edinburg University Press, 2016.
33. *Kymlicka W.* Defending Diversity in an Era of Populism: Multiculturalism and Interculturalism Compared // Meer N., Modood T., Zapata-Barrero R. (eds.), *Multiculturalism and Interculturalism. Debating the Dividing Lines.* Edinburg: Edinburg University Press, 2016.
34. *Хестанов Р.* Россия и режим глобального апартеида // Отечественные Записки. 2002. № 3. <https://strana-oz.ru/2002/3/rossiya-i-rezhim-globalnogo-aparteida> (доступ 24.03.2021.)
35. Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский», 2020.
36. *Gilroy P.* 'My Britain is fuck all' : zombie multiculturalism and the race politics of citizenship .
37. *Berg, M.L., and N.Sigona.* Ethnography, Diversity and the Urban Space // *Identities: Global Studies in Culture and Power.* 2013. 20 (4): 347-360
38. *Abu-Laban Y. ,Gabriel C.* Selling diversity: immigration, multiculturalism, employment equity, and globalization. Peterborough, ON: Broadview Press, 2002.
39. *Ahmed S.* The language of diversity // *Ethnic and Racial Studies.* 2007.Vol.30. No 2. Pp. 235-256.
40. *Бауман З.* Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М.: Издательство Института Гайдара, 2019.
41. *Florida R.* Cities and the Creative Class. New York: Routledge, 2005.
42. *Кагарлицкий Б.* Между классом и дискурсом. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017.
43. *Рансьер Ж.* На краю политического / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006.
44. *Ионин Л.* Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
45. *Schiller M.* European Cities, Municipal Organizations and Diversity. The New Politics of Difference. London: Palgrave Macmillan, 2016.
46. *Bernadette Quinn, Alba Columbo, Kristina Lindström, David McGillivray, Andrew Smith.* Festivals, public space and cultural inclusion: public policy insights, *Journal of Sustainable Tourism.*
47. *Delhaye Christine,* Immigrants' Artistic Practices in Amsterdam, 1970-2007: A Political Issue of Inclusion and Exclusion.